

Виталий Штыбин

ТАНЦЫ, ГОРЫ И КАШТАНОВЫЙ МЁД

Виталий Штыбин

Танцы, горы и каштановый мёд

«Издательские решения»

Штыбин В.

Танцы, горы и каштановый мёд / В. Штыбин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515261-9

Горы, море, таинственные памятники прошлого и вкусный мёд с сыром. Эти составляющие увидит каждый турист, который не поленится заехать в гости к Причерноморским черкесам (адыгам-шапсугам) на отдыхе у Чёрного моря в Краснодарском крае. Но их не хватит, чтобы по-настоящему понять мировоззрение, культуру и историю этого народа. Свои многолетние наблюдения, опыт общения и внешние источники автор проанализировал и собрал, чтобы познакомить широкого читателя с этим ярким коренным Кавказским народом.

ISBN 978-5-00-515261-9

© Штыбин В.

© Издательские решения

Содержание

Осколок черкесского мира	8
Танцы	10
Всё лучшее... гостю!	11
Кодекс чести	14
Кровь, престиж и наездники	26
Через музыку к гармонии	31
Тайное знание языка	36
Яркие флаги жизни	42
Лица предков под древами жизни	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Танцы, горы и каштановый мёд

Виталий Штыбин

*Рассказы о кавказском гостеприимстве – это не миф, это правда.
Фотограф и путешественник Антон Ланге*

*Разнообразие культуры всего человечества проявляется в мозаике
уникальных черт каждого народа. Никто не захочет жить в сером
однообразном мире. Чем больше мы знаем друг о друге, тем больше мы
друг другу доверяем.
(из разговоров с археологом Андреем Кизиловым)*

*Фотограф Екатерина Штыбина
Дизайнер обложки Анна Переходько
Корректор Алена Зуева*

© Виталий Штыбин, 2020
© Екатерина Штыбина, фотографии, 2020
© Анна Переходько, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-5261-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В далёком 2003 году, молодым студентом-первокурсником, мне довелось подрабатывать на летних каникулах на побережье Чёрного моря. Это был парк аттракционов в курортном посёлке Лазаревское, главном поселении Лазаревского микрорайона города Сочи. Аттракционы стояли близко к пляжу, откуда хорошо виднелись горы. Над посёлком нависали покрытые редкими кустами, бело-жёлтые, известковые холмы, на одном из которых разместилась огромная вышка. Чуть дальше в горных долинах виднелись высокие лесистые пики Кавказа. Помню, как они завораживали, меня физически тянуло к ним, их тайнам. Это был другой мир, который скрывал в себе древние дольмены и менгиры, ущелья, пещеры и ручьи. В свободные дни я старался выбраться хотя бы в ближайшее туристическое ущелье, но часто мои планы рушились по разным мелким причинам.

Своё любопытство я реализовал лишь спустя 12 лет, когда впервые целенаправленно поехал с друзьями исследовать внутренний мир сочинских гор. Летом 2015 года мы постарались посетить максимум доступных обычным туристам достопримечательностей, но эта поездка оставила ощущение незавершённости. Казалось, я коснулся поверхности чего-то действительно интересного, но вся его суть осталась где-то за стеклом, а старые фантазии разрушились. Самые интересные места требовали усилий, чтобы их увидеть, – походов дальше в горы, туда, где обычный турист не ходит. Тогда я впервые посетил аул Большой Кичмай – самый известный туристический аул причерноморских черкесов. В то время я уже немало знал об истории этого народа, но посещение аула оставило похожее впечатление незавершённости. Проехать аул, не познакомившись ни с кем из местных жителей, – это как проехать мимо него на поезде. Всё самое интересное остаётся за окном.

Те впечатления и ощущения изменили моё отношение к Северо-Западному Кавказу. Я начал больше изучать культуру коренного населения, а с нею открывать для себя интересный и древний мир этих гор, оригинальную цивилизацию Кавказа. Исследования и открытие своего блога в 2018 году привели меня к идее провести «Шапсугскую экспедицию» – блогерскую этно-

графическую поездку по аулам причерноморских черкесов. За 24 осенних дня я познакомился с десятками интересных людей, узнал истории, не записанные в книгах, увидел настоящую жизнь народа и решил написать эту книгу. Идея экспедиции и последовавшие за ней рекомендации знакомых историков привели меня в академическую науку – магистратуру Кубанского государственного университета, на факультет напрямую связанный с этнографией.

Занятия в магистратуре позволили глубже взглянуть на устройство жизни причерноморских черкесов. «Ружья, микробы и сталь» Джареда Даймонда, «Эволюция человеческих сообществ» Эрла и Джонсона, «Лошадь, колесо и язык» Дэвида Энтони, идеи антропологов (этнографов в российской терминологии), Сергея Арутюнова, Барасби Бгажнокова, Георгия Дерлугьяна, позволили взглянуть на Причерноморский Кавказ как на социально-культурную систему со своим особенным устройством мира горцев. Так окончательно оформилась идея этой книги как проекта по популяризации культуры коренных жителей Черноморского побережья Кавказа и истории Северо-Западного Кавказа, столь обделённой в современном инфополе.

Почти два года я собирал и анализировал материал, и честно признаюсь: писать популяризаторские книги – очень тяжёлое дело! Сомневаюсь, что я закончил бы её, если бы не поддержка окружающих меня людей. В первую очередь я хотел бы выразить благодарность моей семье – маме, тестю и теще – за поддержку моего нового жизненного пути в этнографии, но особенно супруге Екатерине Штыбиной, которая не только стойко пережила бурные на события дни «Шапсугской экспедиции», но и поддерживала меня во всём. Благодаря её таланту фотографа вы можете наслаждаться чудесными видами Причерноморской Шапсугии в фотоприложениях для этой книги. Большая часть фотографий экспонировалась на фотовыставке «Горы и люди. Быт и традиции причерноморских адыгов-шапсугов» в Краснодаре, Майкопе, Нальчике и Новороссийске в 2019—2020 годах.

Отдельную благодарность хотел бы выразить своему научному руководителю Игорю Валерьевичу Кузнецову, талантливому этнографу и настоящему учёному, благодаря которому я научился смотреть на объект исследований научным взглядом и открыл для себя совершенно новые смыслы в устройстве человеческих обществ. Его наставления и советы по работе над магистерской диссертацией, посвящённой культурам причерноморских адыгов-шапсугов, отчасти помогли разобраться с некоторыми вопросами, изложенными в этой книге. Да и вообще слушать его лекции – огромное удовольствие! Познакомился с Игорем Валерьевичем и поступил в магистратуру я благодаря мудрым советам моего друга Михаила Савченко, за что всегда буду ему очень признателен. Также хочу поблагодарить сочинских краеведов, археологов и историков Андрея Кизилова и Михаила Кудина (также и знатока археоастрономии), археолога и сотрудника Сочинского национального парка Дмитрия Маркова, лингвиста Эльберда Бифова, администраторов групп ВКонтакте «Кавказские истории» Дмитрия Вертяева и «Вдоль по линии Кавказа» Константина Скибу и Александра Данильченко за поддержку идеи и помощь в поиске материалов.

И конечно же, эта книга, как и «Шапсугская экспедиция», никогда не случилась бы без поддержки людей, сопровождавших меня виртуально, реально и помогавших материально во время подготовки к ней и её проведения. Это хозяева чудесных домов в городе Туапсе и ауле Калез – Мурат и Тимур, и их семьи, которые приняли нас на время экспедиции. Это старейшины, общественники, и просто неравнодушные к истории и культуре своего народа люди: Салим Нагучев, Сафир и Мурат Мафагел, Сурет, большой помощник, хороший человек и уважаемый общественник Мадин Шхалахов и Хасан Аллало (аул Агуй-Шапсуг), Хасан и Руслан Ачмизовы, Рамазан Ачох, Мурдин, Зарема и маленькая Самира Шхалаховы (аул Псебе), имам Батмиз Шхалахов, Ася Хагурова и Марет Тхагушева (аул Малое Псеушхо), Руслан Хагуров и Маджид Чунтыжев (аул Большое Псеушхо), Шамсудин Шхалахов и гостерпимные сотрудники Дома Культуры (каюсь, я забыл записать имена) (аул Наджиги), Саид Бгане, Тимур

и Аширхан Чачух, Аис Тлиф (аул Тхагапш), Аслан Хушт, Маджид Тлиф и Сергей (аул Малый Кичмай), Мурат Сизо, Пётр, Мадин Хушт и Айса Ачмиз (аул Большой Кичмай), Айдамир Хейшхо, Халид Ушхо и Сафиет Черен (аул Хаджико), собиратель фольклора и семейных историй Наби Коблев и художник по камню Нурбий Нибо (аул Калеж), чудесная семья старейшины Мурдина Тешева, его супруга Мария и дочь Шамсет Тешевы (аул Шхафит), руководитель Адыгского культурного центра Сурет Хейшхо и её чудесная мама, которая очень вкусно готовит! (селения-микрорайона Лазаревское), мастер по шитью национальных костюмов Марина Курашинова, Анатолий и Фатима Шхалаховы (село Цыпка), Дахамиль, Зурет и Хасан Шхалаховы (посёлок Новомихайловский), Айдамир Басте, Мухдин Напсо и Владимир Пшеноков (селение-микрорайон Головинка), Сусанна и её талантливая дочь Диана (город Краснодар). Благодарю за тёплый приём сотрудников Домов культуры посёлка Цыпка, аулов Агуй-Шапсуг, Псебе, Малое Псеушхо и Наджиги, администрацию аула Большой Кичмай и поселка Небуг. Отдельную признательность за общение и красоту танцев выражаю Адыгскому центру национальной культуры в посёлке Лазаревском, танцевальным коллективам «Шапсугия» (Лазаревское) и «Дети гор» (Малое Псеушхо).

И огромное чистосердечное спасибо моим многочисленным и чудесным подписчикам YouTube-блога «Этнографика» и Instagram-блога @shtybin_on_air. Именно вы собирали средства на экспедицию и на книгу, вы задавали вопросы и получали ответы, вы поддерживали морально и помогали связями, и благодаря вам этот проект дошёл до своего финального конца в виде этой книги. За это время я составил и провёл десятки этнографических экскурсий по Краснодару и окрестностям, открыл совместно с журналистом и гидом Владимиром Бегуновым экскурсионно-просветительский проект Insight Travel, а YouTube-блог «Этнографика» дорос до участия в конкурсе «СМИротворец-2019» и статуса третьего этнографического блога России по версии Гильдии межэтнической журналистики. Это наша с вами общая заслуга!

Большую благодарность выражаю всем, кто материально поддержал выпуск книги во время марафона постов о старых черкесских садах в Instagram @shtybin_on_air. Я знаю, что у черкесов не принято хвалиться, поэтому благоразумно не буду указывать здесь ваши имена, но лично поблагодарю от себя и вышлю всем по экземпляру книги с подписью, как обещал. И пусть все знают – добрых, искренних и мотивированных людей среди моих подписчиков больше, чем злых комментаторов, хотя порой может показаться иначе.

Огромную благодарность выражаю талантливой художнице Анне Переходько, которая нарисовала атмосферную обложку и изображения к главам книги! Также благодарю сотрудников издательства Ridero, которые внимательно прочитали и исправили текст книги, осуществили быструю и профессиональную её вёрстку.

Надеюсь, я никого не упустил, но, если вдруг забыл, прошу простить и понять: два года – слишком большой срок, чтобы запомнить всех на этом сложном и тернистом пути к рождению моей первой полноценной книги. Пора переходить к делу!

Осколок черкесского мира

Причерноморские черкесы (адыги) шапсуги. Сложное название, не правда ли? Современные черкесы (адыги) – единственный народ российского Кавказа, название которого представляет из себя настоящую головоломку. Это следствие царской, а потом и советской политики, стремившейся к искусственному разделению обширного этнического массива черкесских субэтносов центральной и западной частей Северного Кавказа. В результате мы получили сборную солянку из разных этнических наименований с единым смыслом: иноназвание «черкесы», самоназвание «адыги» и целую череду имён отдельных локальных субэтносов, будь то кабардинцы, бжедуги или шапсуги. Сегодня представители интересующей нас причерноморской части этого народа называют себя очень по-разному, в зависимости от личных предпочтений. Громоздкая форма «причерноморские адыги-шапсуги... они же черкесы», которая будет учитывать все варианты, очень неудобна для описания в книге, поэтому я остановлюсь на варианте «причерноморские черкесы». Определение «причерноморские» даёт чёткое представление о географии расселения этого народа, а название «черкесы» более подойдёт для меня – человека, изучающего народ извне и не имеющего родственных связей с ним. К тому же в зарубежной диаспоре по отношению ко всем группам этого народа уже давно устоялся термин «черкесы». Черкесский автор мог бы назвать свой народ «адыги», обращаясь к своим соотечественникам, я же буду следовать международной традиции использования внешнего термина «черкесы» при обращении к теме адыгского народа со стороны внешнего наблюдателя, что будет честно и правильно, на мой взгляд.

Где проживают причерноморские черкесы? Каким видит окружающий мир этот народ и как повлиял этот мир на его мировоззрение? Ответы на эти вопросы ещё 7—8 лет назад показались бы мне сложными. Как житель Краснодарского края, я удивительно мало знал о причерноморских черкесах, коренных жителях этого края, признанных в России и в ООН коренным малочисленным народом. Что же говорить о жителе Центральной России, который, скорее всего, и не слышал никогда о таком народе? Факт в том, что такой человек наверняка сталкивался с культурой или представителями причерноморских черкесов, сам того не зная, на том самом Черноморском побережье, где большинство россиян отдыхают летом и где живут и работают жители причерноморских черкесских аулов.

Причерноморские черкесы проживают в Туапсинском районе и Лазаревском микрорайоне Сочи в Краснодарском крае, в аулах Тхагапш, Большой и Малый Кичмай, Большое и Малое Псеушхо, Калез, Хаджико, Шхафит, Лыготх, Наджиги, Псебе и Агуй-Шапсуг. Живут они разбросанно и в других населённых пунктах Краснодарского края и республики Адыгея.

Культура черкесов – хороший пример древней культуры горного Кавказа вообще. Она часть общего наследия Северо-Западного и Северного Кавказа, общего кавказского менталитета, хотя и имеет свои особенности. Корни её уходят в глубокую древность, ко временам каменного и бронзового веков. Отголоски её истоков заложены в памятниках строителей кавказских мегалитов – дольменов. Культурный базис, заложенный в те времена, развивался в течение железного века в виде устного фольклорного нартского эпоса, вбирая в себя элементы культур многих степных народов, проходивших через горы Кавказа и влиявших на формирование (этногенез) будущих черкесов.

Особенности территории расселения, горная и прибрежная местность оставили свой отпечаток на этнографическом рисунке причерноморских черкесов. В горах Северо-Западного Кавказа сформировались основные элементы их культуры, которые сохранились среди причерноморских представителей черкесского мира. Считается, что труднодоступность этих гор, их изолированность от внешнего мира, позволила внешним влияниям оставить наименьший след. Горная местность повлияла на демократическое устройство их общества, на разнообра-

зие говоров, на гибкость по отношению к иностранцам, на особый религиозный синкретизм, сохранивший до современных дней сплав традиционной веры с христианством и исламом. Горная местность выработала в среде причерноморских черкесов сложную форму отношений с окружающим миром – бережливое, экологичное, уважительное отношение к природе, внимание к каждому клочку удобной земли при ведении хозяйства. Таким это отношение сохраняется и в наши дни, несмотря на пагубное влияние процессов глобализации на традиционное общество.

В следующих трёх главах я постараюсь познакомить вас с причерноморскими черкесами настолько близко, насколько способен человек, заглянувший в их мировоззрение извне. Для полного погружения нам понадобится три составляющих – танцы, горы и каштановый мёд. В главе «Танцы» я поделюсь наблюдениями и знаниями о менталитете, внутреннем мире черкесов, сторонах быта и традициях, которые формируют мировоззрение этого народа. В главе «Горы» мы погрузимся в историю причерноморских черкесов, чтобы понять, как события прошлого повлияли на формирование их общества таким, каким оно предстаёт перед нами сегодня. Главой «Каштановый мёд» мы завершим исследование взглядом причерноморских черкесов на окружающий мир, его влиянием на них, и их влиянием на него.

Эта книга не академический труд и не претендует на истину. Воспринимайте её как увлекательную туристическую прогулку в гости к коренным жителям Черноморского побережья Кавказа. Я постараюсь не загружать вас сухими научными фактами и описаниями, но поделюсь наблюдениями и личным мнением, которое может не совпадать с мнением других специалистов. Десятки самых важных источников, с которыми я знакомился, указаны в конце книги в качестве приложения. Сюда не вошли статьи, список которых мог бы составить отдельную книгу. Источники будут полезны для более глубокого знакомства с этим кавказским народом.

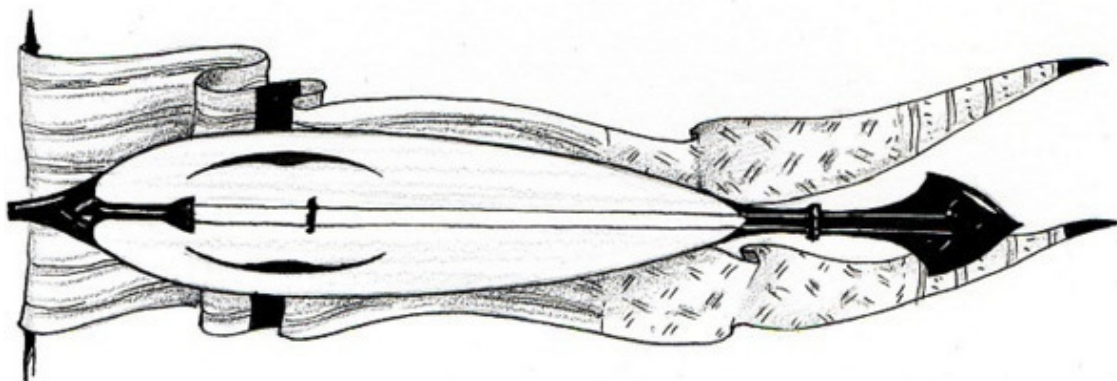
Поскольку мне хотелось поделиться с вами массой визуальных материалов, а в печатном издании делать это дорого, в случае с видео так и вовсе невозможно, я решил применить новую популярную технологию, с которой вы легко разберётесь. Ссылки на видео и портал с фотографиями и картинками я оформил по тексту в виде QR-кодов. Для того чтобы увидеть приложенный материал, достаточно найти в телефоне бесплатное приложение «Сканер» или скачать и установить его версию «Сканер QR- и штрих-кодов» в Google Play или Apple Market. С его помощью можно отсканировать код и получить ссылку на видео или сайт с фотографиями\картинками. Если для вас такой формат неудобен, вы можете во время чтения книги зайти на сайт <http://shapsug-book.ru> во вкладки «Фотографии» или «Изображения» и ознакомиться с приложенными визуальными материалами, закреплёнными в порядке хронологии сюжета этой книги.

Медиатека книги «Танцы, горы и каштановый мёд»

Теперь, когда мы обо всём поговорили, пора переходить к самому интересному. Пристегнитесь, мы отправляемся в горный мир причерноморских черкесов!

Танцы

Всё лучшее... гостю!

Ещё до начала «Шапсугской экспедиции» перед нами стоял острый вопрос: где жить во время её проведения? Почти месяц в пути, а средств для проживания в отелях побережья на такой срок не хватало. На помощь пришли местные жители: как только объявление об экспедиции появилось в сети, тут же нашлись добрые люди и предложили жильё. Большую часть пути мы провели в гостях, и первая встреча состоялась в Туапсе вечером пятницы. Местный житель, уроженец Адыгеи, предоставил нам гостевую комнату в отдельном строении, расположение которого на холме спасло нас во время осенних потопов, бушевавших в тот месяц на Черноморском побережье. Вечер мы провели за ужином с семьёй хозяина, где и наметился наш окончательный маршрут. Первой точкой на пути стал аул Большое Псеушхо, откуда происходила семья супруги хозяина дома. С этого дня началось наше знакомство с одной доброй и очень важной черкесской традицией – гостеприимством. Во время поездок по Лазаревскому району большей частью мы ночевали в уютном доме в ауле Калез, куда нас пригласил его хозяин.

Всю полноту черкесского гостеприимства мы почувствовали на второй день нашего путешествия по причерноморским черкесским аулам. Накануне мы проезжали через аул Малое Псеушхо, в котором у нас совсем не было контактов. В тот день мы решили ограничиться фотографией памятников Великой Отечественной войны для государственного архива Краснодарского края и съёмками видов аула с краткой информацией о нём. Небольшой ухоженный аульский памятник солдатам расположился рядом с Домом культуры. Наши действия привлекли внимание сотрудников дома, которые поинтересовались у нас о причинах фотосъёмки. В те дни вся страна отходила от шока стрельбы в керченской школе, и поэтому люди тревожились по любому поводу. Мы объяснили цели нашей поездки и познакомились с Марет Тхагушевой, которая руководит центром и детским танцевальным ансамблем «Дети гор». Она пригласила нас на следующий день в гости, ближе к вечеру. Новый день мы провели в окончании дел в Большом Псеушхо, потом посетили расположенный неподалёку чешский посёлок Анастасиевка, в окрестностях которого сняли материал о местных дольменах и огромном древнем кургане – Храме Солнца. В назначенное время мы приехали к Дому культуры Малого Псеушхо, я схватил инвентарь для съёмок в обе руки, и мы пошли к дверям. Каково было наше удивление, когда внутри нас встретила группа молодых ребят в красочных национальных костюмах. Играла черкесская музыка, ребята улыбались и протягивали нам тарелку с халюжами – жареными пирожками, аналогом русской традиции хлеба-соли. В результате у нас получилась чудесная фотография, где ребята в своих ярких костюмах улыбаются в камеру, а я, довольный, кушаю пирожок на заднем фоне.

Ещё одна похожая история произошла с нами позже в посёлке Лазаревское. Мы договорились с Центром адыгской культуры о встрече 4 ноября, в День народного единства, когда на главной площади шли праздничные мероприятия. Мы знали, что ребята из центра будут выступать и погружены в репетиции, потому даже не подозревали, какая нам готовится встреча. И вновь я с полными руками оборудования был пойман в неожиданный момент. За углом здания весь танцевальный коллектив с музыкантами выстроился в ряд. Как только мы появились, нам предложили отведать пирожков, и дальше ребята исполнили несколько танцев для нас. Признаюсь, я был приятно поражён таким вниманием.

Эти истории лишь капля в море. За годы работы с черкесами я был неоднократно принимаем в гостях, и мне всегда старались всячески помочь в моём деле. Главное не злоупотреблять этой ценной традицией, и тогда вам откроется необычный мир черкесского общества и двери домов в каждом ауле будут открыты, а столы ломиться от угощений.

Гостеприимство – визитная карточка всех народов Кавказа. Гость здесь священная фигура. Принять его у себя и обеспечить самым лучшим образом для хозяина честь и составляет основу его авторитета в обществе и социальный капитал. Раньше для этих целей строились специальные помещения – кунацкие или хачеш. Это отдельные строения рядом с домом хозяина, в которых всегда стояла лучшая мебель и принадлежности, поддерживались чистота и уют, но никто из хозяев в этом помещении не жил. В кунацкую мог зайти и отдохнуть любой человек, не спрашивая разрешения. Хозяин не имел права задавать вопросов, его задачей было накормить незнакомца и дать ему отдых. Во время трапезы хозяин удалялся, чтобы не мешать гостю, и если гости пировали, то он подавал еду и стоял в углу, как прислуга. Гость вешал на стену плетъ, и по её положению хозяин понимал, надолго ли гость задержится. Если надолго, тогда хозяин мог задать вопрос гостю о том, кто он и куда направляется, хотя этот вопрос он мог задать и без знаков на третий день. В кунацкой люди встречались, общались и развлекались, даже кровная месть уходила на задний план, если враг входил в кунацкую. Хозяин своей жизнью отвечал за безопасность гостя. Считалось возмутительным предлагать оплатить услуги хозяина, для него это было оскорблением. Каким бы затратным ни был гость, он удовлетворял любопытство хозяина и жителей аула новостями, особенно если гость приехал из дальних краёв, точно, как это делают современные СМИ. Писатель-декабрист Бестужев-Марлинский подмечал, что в обычае почитания гостя больше любопытства, чем настоящей доброты, но большинство современников считали, что в этом культе есть и то и другое. Проблема в том, что во второй половине XIX века при российской администрации правом гостя стали пользоваться преступники, чтобы скрыться. До этого обычай создавал проблемы с желающими погостить за чужой счёт, на что жаловались, например, черкесы района Горячего Ключа, где были целебные воды. Порой неблагородные знатные черкесы злоупотребляли гостеприимством. Доходило даже до стычек из-за желания занять кунацкую, когда там уже другие гости рангом поменьше. В кунацких равнинных аристократических субэтносов можно было наблюдать и сословное разделение. Например, если крестьянин становился гостем у знатного, тот взамен имел право потребовать от него выполнения каких-либо работ, что отражало неравноправие сторон. Повсюду регулировалось количество подушек, угощений, предметов быта в зависимости от социального положения гостя.

Сегодня уважение к гостю сохранилось в обычаях народа, хотя кунацкие уже не строят – слишком накладно. Для гостя стараются выделить специальную комнату в общем доме, как в прошлом это делали для кунаков (названных братьев) хозяина дома.

Вероятно, обычай гостеприимства был воспринят предками черкесов от индоевропейских или индоиранских племён вместе с хозяйственными практиками равнинного скотоводства, которое было их визитной карточкой. С ним вместе появилась на Кавказе и традиция ритуальной кражи скота (набегов), отражённая в индоевропейской мифологии в образе воина Трито, который в понимании традиции отбирал данный людям богами скот от недостойных почитателей, и передавал тем, кто его больше заслуживает за счёт правильного почитания богов. В индоевропейском обществе посвящение мальчика в мужи предполагало охоту на скот, как бы в стае собак или волков, то есть через классический набег в звериной сущности. Археолог и историк Дэвид Энтони, который специализируется на изучении и реконструкции происхождения индоевропейских племён, в книге «Лошадь, колесо и язык» посвятил отдельные главы вопросу гостеприимства. В индоевропейском и индоиранском мировоззрении понятие «гостя» имело сакральное значение, такое же, как сегодня на Кавказе. Масовое распространение понятия фиксируется лингвистами в индоевропейских языках, где слова «гость» или «гости» означает и «гостеприимство». Дэвид Энтони связывает появление этого культурного института у западных индоевропейцев в раннем бронзовом веке с появлением скотоводов-всадников ямной культуры, принёсших также патронимический (мужской) стиль социального устройства с мужчинами во главе, мужскими куклами и понятием куна-

чества/аталычества. Эта культура впервые стала полностью кочевой, она не оставляет следов оседлых поселений. Регулярные и дальние кочевые миграции привели к смешению кочевников с другими культурами и народами. Поэтому они выработали культ гостя, который позволял породниться и наладить контакты с чужаками, что позволяло безопасно передвигаться по степным территориям и вырабатывать большую сеть родственных контактов, внутри которой все жили по общим правилам. Эта функция сдерживала рост конфликтов и анархии на обширных территориях. Аналогичную функцию культ гостя выполнял и в черкесском обществе, позволяя наладить обширные контакты и избегать конфликтов, особенно на фоне популярности кровной мести, чья культовая сила оказывалась слабее в иерархии перед безопасностью гостя.

Гостеприимство считается столпом черкесского этикета, а в персоне гостя сходятся все понятия моральных правил «адыгэ хабзэ» («закон адыгов»). Соблюдение этикета всегда разнилось от нормы к норме и зависело от личных качеств человека. Кто-то соблюдал их больше, кто-то меньше. Этикетные нормы охватывают все стороны жизни и в прошлом значительно определяли социальную структуру общества и личную жизнь каждого черкеса. Поэтому об этикетном кодексе стоит поговорить отдельно.

Кодекс чести

В 1930-х годах шёл по аулу Хаджико задумчивый старик. Он смотрел по сторонам в поисках дела, которому мог бы помочь, и на ходу покуривал сигаретку. Из ближайшего дома вышел молодой парень и направился напрямик к старику. «Дай закурить, тхамада!» – обратился парень к старшему. Старик остановился как вкопанный, внимательно осмотрел парня с ног до головы, после чего выбросил сигарету, достал портсигар и отдал молодому. Свой подарок он сопроводил такими словами: «С этого дня я бросаю курить. Не нужна мне привычка, которая позволяет так возмутительно и высокомерно младшему обращаться к старшему». В те годы советская агитация мотивировала молодёжь отрицать беспрекословное уважение старших («стариковство»), и такие случаи происходили повсюду, но такую реакцию вы вполне могли бы встретить и сегодня. Всё потому, что отдельные нормы черкесского этикета, особенно в отношениях старших и младших, по сей день не утратили своей силы.

Морально-этический кодекс «адыгэ хабзэ» – существенная часть сознания черкесского общества, которая вызывает вопросы, споры и обсуждения среди специалистов и простых кавказцев. Дело в том, что кодекс этот очень условный. Само его название «адыгэ хабзэ» родилось в XX веке усилиями черкесских исследователей, которые решили дать единое название нормам обычного права и этики («адыгагъэ»), к соблюдению которых в идеальном смысле стремились лучшие представители классического черкесского общества. Он соткан из множества народных рассказов, пословиц, поговорок, баек и поучительных легенд и во многом похож на типичные этические нормы многих народов мира на стадии военной демократии и раннего феодализма. Впервые наиболее полно и системно эти нормы изложил в 1978 году кабардинский филолог и этнограф Барасбий Бгажноков. Он определил, что правила хабзэ в совокупности представляли своеобразные полезные рекомендации, которым следовало придерживаться в обществе уважаемому человеку. Нормы эти учёный сгруппировал в пять групп, связанных с представлениями черкесов об идеальном окружающем мире и с устным сводом обычного права, гибкой формой устного гражданского кодекса. Если попытаться оценить эти представления по аналогии, то самой близкой системой окажется китайское дао либо правовые нормы раннесредневековой Европы. Черкесский этикет построен на гибком отношении к живой природе и загробному миру, свободе воле и уважении к старшим. Такого рода этикетные и правовые нормы имелись не только у народов Кавказа, но у каждого они имели свои особенности.

Далеко не все придерживались этих правил, а сегодня и подавно следуют им единицы по зову личного духа. Но проблема здесь не столько в падении нравов, сколько в сложности традиционных норм, которые во многом не соответствуют жизни современного общества. Идеальный черкесский этикет по Бгажнокову был построен на следующих основах – человечности, почтительности, разуме, мужестве и чести. Только через соблюдение всего сложного и тонкого комплекса этих понятий человек мог попасть в рай. Проще говоря – делай добрые дела и не стыдно будет предстать на том свете перед лицами своих предков.

Человечность («цыхугэ/цыхугъэ») считается ключевой заповедью этикета. Она предполагает сострадание к людям, готовность оказать помощь другому, гостеприимство, уважение к старшим, чуткость и деликатность. Существует поговорка: «Тот, кто обладает человечностью, тот обладает адыгством, а обладающий адыгством обладает человечностью». Эта черта глубоко связана с сопереживанием и пониманием, готовностью действовать в интересах других людей и чувством благодарности за оказанную помощь. С этим понятием ассоциировалась общая человеческая любовь, не знающая национальных, расовых или сословных границ. Влияние человечности на поведение сознательных черкесов очень велико. Это хорошо видно по гибким и здоровым межэтническим отношениям в причерноморских черкесских аулах по сей день.

Общаясь с местными жителями, я заметил, что они не испытывают неприязни по отношению к приезжим из других регионов. Точно так же, как и новые жители аулов не испытывают её к коренным жителям. Даже в ауле Большой Кичмай, где очень остро развита конкуренция за туристов, конфликта не чувствуется. Новые поселенцы объясняют это своим увлечением традиционной культурой местного населения и добрососедскими отношениями, сложившимися с первых дней жизни в аулах.

Черкесское общество большую часть истории терпимо относилось к представителям других народов внутри собственных аулов. Пример тому черкесогаи (черкесские армяне), урумы (греки) и горские евреи, в прошлом разбросанно проживавшие в черкесских аулах. Все торговые отношения находились в их руках, так как занятие крупной торговлей считалось недостойным занятием для черкеса, особенно знатного. Эти народы оказались ассимилированы черкесами настолько, что полностью переняли их язык и культуру. Они выделялись лишь торговой профессией и соблюдением искажённых ритуалов собственной веры – христианства или иудаизма. Купцы из армян и караимских евреев пользовались большой свободой и привилегиями в путешествиях между черкесскими и русскими владениями, но они же могли обмануть, обхитрить и торговали информацией для обеих сторон конфликта.

Расскажу вам несколько случаев из жизни причерноморских черкесов, которые представляют хорошие примеры гибкости по отношению к представителям других народов. Очень развитым в аулах было кузнечное дело. Кузнецы-универсалы делали топоры, мотыги, подковы, ножи, латунные кованые цепи и оружие и продавали их в Персию и Турцию. Мастера делали деревянную посуду с красивыми узорами, плели корзины.

Потомки этих семей ассимилировались и живут сегодня среди местных черкесов. Фамилии Макаевых и Кадиевых считаются черкесскими, но у них есть хорошо зафиксированная история, которая приводит нас к предкам. Макаей Макаевич Макаев, дагестанский лакец по происхождению, казикумухский серебряных дел мастер и ювелир. Он перебрался к причерноморским черкесам в 1880-е годы как мастер-отходник. В те годы это было распространённое в Дагестане явление, когда мастера уходили на заработки в Грузию и по всему Северному Кавказу. Как бы сегодня сказали – на вахту. И часто они имели несколько семей в разных местах. Макай Макаев женился на местной черкешенке, и уже в первом поколении Макаевы полностью очеркесились. Он до конца своей жизни являлся одним из самых влиятельных старшин аула Хаджико и работал мастером по серебру и ювелиром. Его произведения сегодня можно увидеть в этнографическом музее посёлка Лазаревское, микрорайона Сочи. Похожая история произошла и с другой лакской фамилией Кадиевых с той лишь разницей, что Кадиевы в двух поколениях постоянно перемещались между Причерноморьем и Дагестаном и не жили долго в одном месте, а потому ассимилировались намного позже. Потомки этих семей считают себя черкесами, хотя знают о происхождении из Дагестана и поддерживают связь с родственниками на Восточном Кавказе.

Второй случай – фамилия Рудневых. По семейной легенде эта семья ведёт родословную от пленного русского солдата, а по другой – казака. Сегодня русская семья Рудневых живёт в ауле Калез, соблюдает традиции причерноморских черкесов и общается на черкесском языке. Если отбросить легенду, никто не помнит, когда они появились в ауле, их считают первопоселенцами. В шутку местные черкесы называют их русскими шапсугами, но только если начать их специально спрашивать о происхождении семьи. В быту эту смешанную семью воспринимают как черкесскую.

Третий случай произошёл в ауле Калез в 1960-е годы. Сегодня его рассказывают как анекдот из жизни. По словам местных жителей, в те годы в ауле поселился один таджик с семьёй. Жена у него была русская, преподавала английский язык в местной школе, а сам он работал трактористом в совхозе. Говорили, что он и его жена выучили черкесский язык за год. Вечером, после работы, мужчины часто собирались в центре аула около магазина. Один из ста-

риков проходил мимо группы молодых мужчин-черкесов, которые между собой разговаривали о чём-то на русском языке. В этот момент из магазина вышли старший представитель русской семьи Рудневых и таджик, которые о чём-то громко спорили на черкесском языке. Этот случай стал поводом долгой бранной тирады старца по отношению к коренным жителям. Старик стыдил своих соотечественников. Отмечу, что случай этот воспринимается именно как поучительный и юмористический. В нём нет ни намёка на то, что представители другого народа хуже или лучше коренного населения. Он скорее показывает уровень и скорость адаптации представителей других этносов внутри черкесского общества как раз за счёт слаженных механизмов добрососедства и уважения к культуре и языку друг друга. Сами причерноморские черкесы в городах легко осваивают русский язык, а если надо, то и армянский, и греческий. Эти случаи я привёл в качестве примера, но это не говорит о том, что только ими и ограничиваются межэтнические контакты. Я спрашивал местных жителей в каждом ауле насчёт приезжих русских поселенцев. Везде они живут в большей или меньшей степени, и везде у них либо сложились гармоничные отношения с местными жителями, либо живут они там временно, как на даче, и не доставляют неудобств местным жителям.

Отдельного упоминания заслуживает история полковника Андрея Терентьевича Мухортова. Ему довелось участвовать в трагических военных действиях последних лет Кавказской войны, приведших к массовому изгнанию причерноморских черкесов в Османскую империю. Позже он руководил поисковыми карательными мероприятиями по поимке оставшихся в горах черкесских партизан. Будучи командиром 1-й роты 1-го Кавказского линейного батальона, стоявшего на месте современного аула Калез, Мухортов поселился в устье реки Аше, которое получило название Мухортова поляна. Несмотря на войну, он питал симпатию и уважение к причерноморским черкесам и взял на воспитание сироту из рода Шхалаховых. Со временем вокруг его имения поселились черкесы долины реки Аше, которым он позволил пользоваться землёй, а они помогали ему разводить виноградники и обустроили богатое хозяйство. Его супруга несколько раз начинала переговоры о возвращении оставшихся в горах черкесских семей и поселении их в долине. После смерти сына от болезни в начале XX века супруга Мухортова, которую за активность звали местной «амазонкой», скоропостижно скончалась, а следом и сам полковник. Местные жители настолько уважали Мухортова, что похоронили его, как он завещал, в семейном склепе возле дольмена. Там он и покоится по сей день, а за могилой его ухаживает семья Боус из аула Шхафит – такое имя получила Мухортова Поляна в советское время.

Похожая история произошла и в ауле Тхагапш, ранее известном как Божьи воды. Здесь до сих пор сохраняется могила младенца Владимира Зазулевского, который умер в 1870-е годы. По легенде, этот младенец – сын офицера штаба 1-го Кавказского батальона, которого очень уважали местные жители. Когда солдатские посты ликвидировали, причерноморские черкесы обещали заботиться о могиле младенца, и своё обещание держат до сих пор, хотя могильный камень пришлось перенести из-за подтоплений. Документы конца XIX века гласят, что отношения солдат на сторожевых постах в долинах рек и подселившихся к ним черкесских семей были бесконфликтными, несмотря на ужасы прошедшей войны. Труднодоступность мест и неприспособленность солдатских семей к хозяйству в горном климате приводили к тому, что запасы провианта у русского населения были скудны и заканчивались посреди зимы. Черкесские семьи, более приспособленные к климату, выручали их припасами несколько зим подряд. Это повлияло на выступление солдат против решения императорской комиссии, организованной в 1870-е годы, о выселении оставшихся причерноморских черкесов на кубанские равнины в связи с участвовавшими разбойными нападениями на побережье. Солдаты отстояли местных жителей, за что те оказались им благодарны. Как позже выяснилось, нападения организовывали абреки (бандиты), приходившие с северных склонов и незнакомые местным жителям.

Возвращаясь к пунктам черкесского этикета, расскажу об ещё одной важной его основе – почтительности, или «нэмысе». Эта сторона этикета регулирует понятия воспитанности, скромности, деликатности и хороших манер. Если говорить более конкретно, то в черкесском обществе особенно ценились артистичное поведение и наличие тонкого вкуса. Почтительность предполагает почитание старших, женщин, гостей, родственников и детей. Старшие люди пользуются особым почётом и уважением. Даже если они не правы, они всё равно правы. Как я уже упоминал выше, с этой логикой долгое время безуспешно пыталось бороться советское правительство, которому было важно, чтобы молодёжь прислушивалась к мнению партии, а не критикам из аульских старейшин и, особенно, мусульманскому духовенству.

В черкесском этикете поведение старших и младших подробно регулируется, вплоть до того, как сидеть в одном помещении, как идти по улице рядом, как поступать в тех или иных жизненных ситуациях. Нормы эти передаются из поколения в поколение и их стараются придерживаться в обществе. Старшие люди не только хранители истории и морали народа, но и главные помощники. На их плечах лежит воспитание молодёжи, организация праздников, мобилизация в случае опасности или необходимости в групповой помощи. На праздничных мероприятиях, свадьбах, похоронах – они всегда в центре. За столом самый старший – тхамата, то есть ведущий встречи. Молодые люди могут сидеть за столом или вставать из-за стола только по его разрешению. Проступки по отношению к старшим порицались и наказывались лишением чего-либо приятного. Даже само слово «тхамата» имеет в своём корне приставку «тха», то есть «Бог» или приставка к слову «старший, мудрый». Отсюда это слово проникло через грузинский язык в русский как «тамада» – ведущий свадьбы.

Многое в черкесском этикете по сей день связано с семейными отношениями и застоем. Сын не имеет права сесть в присутствии отца, младший брат – в присутствии старшего. Такая традиция сегодня ещё во многом соблюдается среди черкесов. Младшие члены семьи выполняют поручения старших, ухаживают за гостем и обычно стоят или сидят в стороне в ожидании поручений или приглядывая за столом. В черкесской семье присутствие старших и пожилых людей считается признаком авторитета семьи в обществе. До сих пор считается нормой, когда человек, вне зависимости от его звания и должности, встаёт, уступает место и прислуживает за столом старшему, будь он даже обычный пастух. Молодые стараются молчать, ждать дозволения сесть и кратко с почтением отвечают на вопросы старшего. Даже строгая корпоративная культура государственных учреждений и частных фирм на Кавказе вынуждена подчиняться этим правилам. Так что не удивляйтесь, когда увидите, как какой-нибудь большой начальник в черкесской республике на крупном мероприятии стоит и прислуживает за подчинённым, который старше его по возрасту, но значительно ниже по должности. Но не стоит думать, что простое количество лет влияет на степень уважения. В расчёт берутся личные качества, опыт, мудрость человека. Зловредный дед, который делает гадости соотечественникам, или пьяница никогда не будут пользоваться подобным уважением. В то же время гость равняется положением со старшими.

В аулах развита взаимопомощь, игнорирование которой считается неприличным. Слабым родственникам обрабатывают землю и дают займы скот, инвентарь. Праздники, свадьбы, похороны, постройка дома – всё вместе. Особое положение старших мужчин в аулах привело к созданию в 90-х годах форм местного самоуправления – ТОСов. Такая форма территориального общественного самоуправления закреплена в Федеральном законе Российской Федерации №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», но далеко не везде она пользуется таким спросом, как в аулах причерноморских черкесов. ТОСы стали формой выражения черкесского этикета, нормы которого предполагают участие старших жителей аула в различных формах взаимной помощи. Они призваны объединить усилия для помощи в обустройстве общего блага жителей аулов, помощи в постройке домов молодым и, особенно, в помощи пострадавшим от стихийных бедствий,

столь частых в местных горах. ТОСы хорошо себя зарекомендовали во время потопа в ауле Тхагапш в 2015 году, когда внезапно забурливший горный ручей вынес из ущелья огромные камни, сносившие целые строения. В тот же день жители ближайших аулов по горным тропам пробрались в аул Тхагапш и начали расчистку завалов и оказание помощи пострадавшим. Во время нашей поездки в аулы причерноморских черкесов осенью 2018 года такой потоп тоже случился. Реки размыли мосты и дороги к некоторым аулам, но жители не пострадали, так как быстро мобилизовались своими ТОСами. Спасатели, которые пробрались к аулу Наджиги через сутки, увидели расчищенные улицы аула, грязь и камни жители уже убрали за это время.

До недавних лет среди причерноморских черкесов встречались люди весьма преклонного возраста – от 90 до 110 лет. Вероятно, бывали люди и старше, но точно установить их день рождения сложно. Паспортов советское правительство сельским жителем долгое время не выдавало. Обычно о своём возрасте они говорили так: «Я родился через три года после суровой зимы» или «Я родился в год, когда случился хороший урожай кукурузы». Черкесское долгожительство во многом связано с тремя факторами – пищей, горами и добрым нравом, не допускающим излишнюю нервозность по мелочам. Умеренное и разнообразное питание с фруктами, орехами и сыром в рационе, чистая ключевая вода, частые походы по пересечённой местности и здоровый юмор дарили местным жителям здоровье и долголетие.

На этот счёт есть даже черкесская поговорка о бедняке и богаче. Когда богач спросил бедняка, почему тот в свои 100 лет поднимается на гору, а он в свои 50 не может залезть на коня, бедняк ответил, что он вкусно ест.

Богач попытывался:

– Что же ты ешь?

– Сыр, кукурузу, орехи и фрукты, – отвечал бедняк. – И запиваю их ключевой водой и компотом.

– Разве же это вкусная еда? – недоумевал богач.

– Да, – отвечал бедняк. – Вкусная, потому что я ем, только когда мне очень хочется есть.

Наверное, поэтому художники XIX века особенно отличали стройность и осиную талию черкесских мужчин.

Этический кодекс регулирует отношение мужчин к женщинам и детям. В отдельных случаях в аулах всё ещё встречается традиция вставания стариков перед проходящими мимо детьми. Точно так же они поступают и при женщинах. По правилам этикета женщина считается как бы «старше», чем мужчина. Если женщина находится в сопровождении мужчины, за ней закрепляется почётное место справа, и только с мужем она занимает позицию слева. Правая почётная сторона отводится девушкам и во время круговых танцев, и при движении навстречу друг другу, и даже при размещении перед объективом фотоаппарата.

Встретив женщин в пути, мужчина обязан предложить им помощь спутника, помощника и защитника. Когда произносят тост в честь какой-либо женщины, все, кроме старшего, почтительно встают. Обычно мужчины такой чести не удостоиваются, что придаёт данному действию особую выразительность. Обнажать оружие в присутствии дам считается величайшим позором. Женщина в возрасте приобретает в черкесском обществе авторитет. Мужчины из её родного аула могут её посещать, общаться с ней, как родные братья. Существует некоторое заблуждение, будто раньше женщине было достаточно бросить платок с головы между двумя враждующими мужчинами, чтобы заставить их разойтись. На самом деле такой поступок говорил о крайности положения, когда мужчины в своей злобе забывали о нормах этикета, как это было в эпоху Гражданской войны, например. В обычном случае само присутствие женщины во время конфликта останавливало враждующих. Был один способ прекратить кровную месть, когда женщина могла как бы усыновить врага. Для этого он должен был прикоснуться губами к груди самой старшей женщины пострадавшего рода, как бы имитируя младенца. В ином случае убийца мог украсть ребёнка из пострадавшей семьи и воспитать его как

аталык – приёмный родитель. Так он становился частью одного рода с семьёй, которая обещала мстить, а родственников убивать нельзя. Аталычество в этом случае хорошо срабатывало ещё и потому, что знатные черкесы должны были придерживаться его. Аталычество, как и гостеприимство, оказывались сдерживающими факторами очень деструктивного обычая кровной мести. Каждый мужчина клялся мстить убийце родственника или тому, кто нанёс ему обиду. Уклонистов исключали из рода и считали трусами. Иным способом примирения было решение общественного суда, когда кровную месть удавалось заменить платой за кровь, которую собирал весь род убийцы, но решений такого суда не всегда придерживались. Кровная месть вплоть до начала XX века была настоящим бичом черкесского общества и порой уносила жизни целых семейств.

Посягательство на жизнь женщины – совершенно чуждое черкесскому обществу явление, в том числе в случае кровной мести. Муж, избивающий жену, у черкесов считается ничтожеством. Это не столько национальная черта, сколько религиозная и встречается у мусульман вообще. Одиноким женщинам помогали все мужчины округа и выполняли за неё все мужские дела по дому, а вдова имела право свободно заводить любовников. Даже сегодня если женщина берётся колоть дрова, то первый прохожий мужчина обязан вежливо, но настойчиво ей помочь. Пожилой и немощный человек в этих случаях дожидается или призывает молодых людей, способных исполнить этот долг вместо него.

Большое значение придавали манерам и общему стилю поведения девушек. Их с детства приучали красиво и правильно говорить, танцевать, ходить, сидеть, одеваться, кушать. Даже работа по дому должна была отвечать определённым эстетическим требованиям. Я уже не говорю о том внимании, которое уделяли тому, как девушка появляется на улице, на публике. Им полагалось ходить не сутулясь, не размахивая руками, не задерживая свой взгляд на прохожих, не оглядываясь по сторонам, не проявляя излишнего любопытства.

По сей день девочек оберегают от всего, что может хоть в малейшей степени навредить их красоте и здоровью. Делом чести каждой семьи считается вырастить их без каких-либо изъянов в соответствии с традиционными представлениями об идеальном телосложении. Ещё совсем недавно, чтобы добиться необходимой стройности, детей укладывали на жёстких постелях и без подушек в специальной кровати – «кушгъ». Ребёнка не пеленали, но перевязывали специальными креплениями, чтобы ограничить движения. Матрас принимал форму тела за счёт набивки просяной шелухой, а по центру делалось отверстие для слива мочи. Такая кровать позволяла родителям отвлекаться на полевую работу без страха, что ребёнок выпадет из кровати. Однако без особой разминки головы у младенца в такой люльке могли развиваться деформации черепа, сопровождаемые головными болями, поэтому за массажем ребёнка следили, чаще всего бабушки. Для более старшего ребёнка, который начинал бегать, придумывали специальное крепление для ноги, которое направляло его бег по кругу вокруг деревянного шеста, не причиняя боли или неудобств.

Дети на Кавказе с ранних лет воспитываются в рамках этических норм. Отношение к ним с этой точки зрения строгое, но с другой стороны и очень мягкое. Среди черкесов вы не встретите человека, который поднял бы руку на ребёнка, каким бы вредным тот ни был. Если только этот человек непорядочный, но таких людей общество здесь выталкивает, исторгает из себя. Процесс роста ребёнка – первый шаг, первый зуб, первая стрижка волос и так далее – всегда отмечают праздником. В прошлом такие даты сопровождались обрядами и были многосложными. С детства детей учили нормам ислама – девочек с девяти лет, а мальчиков с двенадцати лет. К этому возрасту они соблюдали короткий пост в девять дней, а с двенадцати лет делали намаз и посещали мечеть. Сегодня редкие семьи соблюдают такое религиозное обучение. На побережье религия популярностью не пользуется.

Раньше у черкесской знати существовал уже упомянутый выше обычай аталычества. Ребёнка с рождения отдавали в приёмную семью, с которой хотели породниться. Там он вос-

питывался до своего совершеннолетия, а после возвращался к родителям. Поэтому у таких детей было двое родителей, оба из которых несли равную ответственность за жизнь и благополучие воспитанника. При этом если ребёнок был из другого субэтноса, то принявшее его общество обязывалось выступать в защиту воспитанника. Это было удобно для черкесской знати, которая так подкрепляла союзные отношения с соседями. За право воспитания знатных детей происходили кровавые столкновения. Аталык (приёмный отец), обязался научить «къана» (воспитанника) всем необходимым в жизни навыкам. В традиции западных черкесов воспитанника называли «пIур». Черкесский этикет настолько высоко ценился у окружающих народов, что даже золотоордынские, а позже крымские ханы отдавали своих детей в Черкесию на воспитание. Младшая ветка их, опасаясь преследований братьев в борьбе за трон, пряталась под защитой своих аталыков. Так появился среди черкесов большой род очеркесившихся ханов – Гиреев, из которой происходил офицер и этнограф Султан Хан-Гирей, а также ряд офицеров Дикой дивизии, включая печально известного Султана Клыч-Гирея, казнённого в Москве в 1947 году за связи с нацистами. Гирей встречались и в среде кавказских ногайцев.

В свете темы боевого братства упомяну и о черкесском обычае куначества. Кунак – по смыслу то же, что брат по крови. Обычно такого рода отношения строились в мужском боевом обществе на основе поддержки и выручки. Кунаки обязывались ценой жизни защищать друг друга. Такие отношения скрепляли узами дружбы врагов из черкесских и казачьих кругов, развивали торговые отношения. Кунаки останавливались не в гостевом доме, а в доме хозяина на праве родственника. Без таких отношений путешествовать в черкесских землях было опасно. Обычаем куначества активно пользовались торговцы из числа армян, караимов (тюркских иудеев) и турок в целях обеспечения своей безопасности. На Кавказе хорошо известна история гибели казачьего сотника Гречишкина, которая сегодня подаётся односторонне, как славный бой казачьего отряда с превосходящим черкесским войском. Но дело в том, что бой этот мог не состояться. Горскую группу всадников вёл черкесский темиргоевский князь Джамбулат Болотоков, в те годы сражавшийся против Российской империи. Он был кунаком Гречишкина и перед боем вёл с ним переговоры, предлагая уйти. Непримиримая позиция кунака заставила их перейти к бою, в начале которого со стороны черкесов участвовало такое же число нападающих, какое было в казачьем отряде. Распространённая практика «справедливого» боя на кавказском фронте тех лет.

За кунака работала кровная месть, как за родственника, но был и ещё один плюс – патронат. Беззащитные крестьяне так спасались от самовластия князей под защитой других влиятельных людей. Равноправия в этом случае не было, крестьяне просто подчинялись новому хозяину, взамен получая его защиту от прежнего. Таких крестьян называли – оги. Кроме них были ещё крепостные – пшитли, коих было большинство, и унауты – пленники-крепостные с меньшими правами, но считающиеся частью семьи владельца. Так работал переход крестьян к более адекватным князьям или общинникам, благодаря чему значительно выросли общества горных шапсугских, натухайских и абадзехских субэтносов черкесов в XVI—XIX веках. На этом фоне, возникла серьёзная вражда между равнинными аристократическими и горными демократическими обществами.

Кроме аталычества, в черкесском обществе существовала профессия оруженосца – гъуса, когда молодой человек напрашивался к опытному наезднику помощником в качестве прислуги. Он помогал ему в походах и набирался опыта. Гъуса подчинялся своему наставнику беспрекословно и в битве обязан был погибнуть вместе с ним. Наставник же делился с ним сокровенными знаниями. Если обычай гъуса исчез с изменением социальных отношений после Кавказской войны, то аталычество держалось ещё примерно век и исчезло вместе с эмиграцией остатков черкесской знати в Гражданскую войну. В конце концов от этого обычая остались лишь косвенные элементы, которые сегодня изредка можно увидеть во время традиционной свадьбы. Например, установление родственных связей с уважаемой семьёй, в дом которой при-

возят невесту перед её переходом в дом жениха. Что касается куначества – этот способ установления крепких дружеских отношений жив до сих пор. И не только в черкесском обществе, но и у других народов Кавказа и казачества.

В черкесской этике также выделяют понятие разума – «акъыл», как способность мудро и нравственно рассуждать о жизни, понимать и быть понятым другими. Разум предполагал способность ясно и чётко мыслить, дружить с логикой и уметь высказать своё мнение, да и просто поддержать разговор. Обучение ораторскому искусству было обязательным для детей черкесской знати. С детства воспитатели брали их на народные собрания, суды и военные советы, где они изучали обычаи и учились красиво говорить. Считалось хорошим тоном знать наизусть набор преданий и песен. Считалось, что ум не имеет цены, а воспитание – предела, а главным элементом воспитания становилось внушение уважения к родителям и ко всем старшим по возрасту.

Знатными ораторами считались люди старше сорока лет с сединой. Они выполняли в обществе религиозные и культурные функции, а в семье старшими считались также женщины. Единственные, кто имел больший вес, – знатные наездники, поскольку самыми весомыми качествами в обществе считались личные достоинства человека, проявленные в бою и в жизни. Даже стариков разделяли на обычных и почётных. После завоевания Российской империей Северо-Западного Кавказа, к концу XIX века, старость, как мера авторитета в черкесском обществе, чуть отошла на задний план. Отдельные общинники и бывшие крепостные в условиях капитализма богатели и зарабатывали этим авторитет, достаточный, чтобы занять пост главы общины.

Выделяется в черкесской этике понятие мужества – «тлыгэ\ лыгъэ». Под ним понимают не столько и не только боевую храбрость, сколько способность к смелым поступкам в решении общественных дел, способность отстоять собственное мнение, защитить угнетённого, спасти терпящего бедствие человека. Для знатных людей в ранге славы отдать жизнь за родину считалось более простым делом, чем добиться репутации знатного наездника. Умер в бою – молодец, вернулся с добычей – герой. На народных собраниях у таких людей авторитет был сильнее всех остальных. На праздниках им приносили чашу героя руками самых известных мужчин и самых красивых женщин. Танцевать с ними почитали за честь, как и принять приз в соревнованиях из их рук. Трусов же гоняли в толпе в безобразном войлочном колпаке и определяли им пеню в пару волов. Пока такой человек храбростью не окупит свою трусость, семья его носила траур, как по погибшему, в социальном смысле.

После Кавказской войны качества храбрости/трусости перестали влиять на судьбу человека, но на репутации сказывались. Например, между аулами Хаджико и Калеж в долине реки Аше Лазаревского микрорайона Сочи расстояние всего один километр. Они практически уже слились, по крайней мере верхними улицами. Сегодня здесь течёт спокойная размеренная жизнь, но ещё несколько десятков лет назад случались настоящие стычки. Правда, все они были потешными – мальчишки выясняли, чей аул более авторитетный. Рассказывали даже историю, будто группа молодых ребят зашла в аул Калеж и наткнулась на старика, сидевшего на лавке у своего дома. Стоило ему узнать, что они из соседнего аула, как старик с поднятой клюкой погнал их обратно, несмотря на почтительный возраст. В этих действиях выражалась черкесская школа воспитания характера. В прошлом не только жители соседних аулов, но и соседних кварталов, например верхнего и нижнего, могли начать кулачный бой. Избежать его считалось трусостью.

Понятие человечности в этикете черкесов обязывало помогать бедным и несчастным – сиротам, вдовам, старикам, поддерживать их личное достоинство. Осуждалось унижение человека, применение силы к слабому. Неприлично было оскорблять или громко говорить с людьми низшего социального статуса. Нормы эти были настолько сильны, что даже в начале XX века богатые купцы черкесского и армяно-черкесского происхождения содержали приюты для бед-

ных и сирот, как меценаты. Например, сын богатого екатеринодарского черкесского купца Гамид Трахов долгое время был председателем Попечительства комитета заботы о заключённых в тюрьмах. Его отец, Лю Трахов, содержал многочисленные приюты для бедных и содержал в городе медицинский фонд для бесплатного лечения соотечественников.

Закрывает список основ черкесской этики понятие чести – то есть способности вести себя достойно и избегать безнравственных поступков. Это понятие подчёркивает умение хорошо пошутить, но не скатываться в пошлые шутки, умение контролировать свою речь и эмоциональность. Существует несколько терминов, отображающих понятия чести: почёт, слава, авторитет, достоинство. Но главное понятие, вокруг которого строится вся жизнь черкеса, – это лицо («напэ»), как отражение совести и репутации. Что-то похожее по смыслу вы можете встретить в знаменитой саге Стивена Кинга «Тёмная башня», где главный герой использовал фразу «Ты забыл лицо своего отца», как выражение позора и бесчестия человека. В русском языке есть схожее по смыслу выражение – «потерять лицо», то есть опозориться в обществе.

В черкесском этикете лицо – это своего рода орган, отвечающий за честь и совесть, который обязывает действовать в соответствии с принципами и установками этикета. Несовместимое с моралью, честью и достоинством человека несовместимо с его лицом. Мысли, слова, поступки – всё это рассматривается с точки зрения сочетания с нормами чести. Потеря лица равносильна уничтожению личности в обществе, что хорошо выражено в поговорке «Отдай жизнь и возьми честь». Честь включала в себя понимание свободы воли, потому ни тюрем, ни телесных наказаний, ни пыток черкесы не знали, хотя далеко не все соблюдали такие понятия в отношении пленных. Для многих была абсурдной сама идея издевательства над человеческой волей. Исключением стал период позднего этапа Кавказской войны, когда в 1850-е годы наиб имамы Шамиля Мухаммед-Амин распространил нормы шариата в некоторых горных обществах, а они уже не запрещали нарушение воли и телесные наказания. Черкесы считали эффективной мерой систему штрафов, а в самых крайних случаях просто изгоняли человека из общества. Расстрелять привязанным к дереву или кинуть связанным в реку могли только отъявленного рецидивиста. И даже тогда для исполнения приговора выбирали раба или пленника иной национальности. Даже во время набегов внутри черкесских земель, в случае если всадники крали людей из свободных сословий, они обязывались их вернуть обратно, если этот факт вскрывался.

Все пять норм черкесского этикета составляют основу жизненных принципов и характерных особенностей менталитета черкесского общества. Однако в прошлом существовали ещё более жёсткие правила этикета, доведённые до абсолюта. Соблюдение этих норм касалось только черкесской знати, отчего эти правила Барасбий Бгажноков выделил в отдельное понятие – «уорк хабзэ» («закон знати»). В черкесском обществе знать делилась на несколько условных сословных уровней: князей, уорков по происхождению (первой степени) и уорков по заслугам (второй степени). Причём уорками по заслугам могли стать и крестьяне и даже иностранцы, например черкесские армянские купцы или потомки крымских ханов (хануко). Все они представляли собой свиту князей и часто сопровождали их всюду. В горных обществах, где княжеская система правления не сложилась, уорки существовали как уважаемые в обществе представители знати. Однако в любом из случаев и князья и уорки сильно зависели от народного мнения и сосуществовали с народом в системе сдержек и противовесов интересов обеих сторон, примерно так, как феодалы раннесредневековой Европы или князья Древней Руси. Правила «уорк хабзэ» были по силам знатному наезднику и аскету, а не простому сельскому жителю, с бытом которого они несовместимы. Суть их повторяла общие понятия «адыгэ хабзэ», но доводила все пункты до романтической крайности. Легендарный образ благородного европейского рыцаря или японского самурая хорошо подходит для понимания тех требований, которые предъявляла мораль этих норм. «Уорк хабзэ» – система этических норм,

порождённая престижной экономикой, построенной на высшей ценности авторитета и славы перед иными материальными ценностями. Отсутствие стремления к соблюдению этих норм или их грубое нарушение могло привести уорка к лишению статуса и превращению в обычного крестьянина. Также это правило работало и в обратную сторону за счёт проявления храбрости в бою крестьянином. Нормы стирали сословные значения в обществе.

По оценкам специалистов, прослойка уорков в черкесском обществе составляла от 5 до 30% населения в зависимости от социального устройства общины, но авторитет этой прослойки влиял на все аспекты жизни общества. Основной массой всегда оставались свободные или выкупившиеся крестьяне – тфокотли, которые со временем и стали играть решающую роль в горных черкесских обществах с постепенным вытеснением прав и привилегий уорков по мере распространения доступного огнестрельного оружия. Тем более что далеко не все уорки соблюдали правила этикета.

Военно-походное дело касалось преимущественно князей («пши») и уорков. В демократических обществах уорков, после их частичного и кровавого изгнания в конце XVIII века, заменили общественные старшины, но и среди аристократических обществ некоторые крестьяне тоже могли принимать участие в походах. С одной стороны, они могли получать статус уорка за храбрость в походе, но с другой – мотивации могли отличаться от классических. Важно было содержать коня и необходимое снаряжение для похода, а это было многим не по карману. Да и коня у крестьянина уорк мог легко отобрать с заменой на буйвола и под предлогом, что не крестьянское это дело, как писал об этом ещё в XVI веке путешественник Интериано. Знать устраивала походы ради престижа, ей нужен был славный бой и добыча. Мотивация же крестьян могла касаться лишь добычи, а потому они часто не придерживались этических норм, свойственных уоркам. Отсюда и пословица «Что позволено крестьянину, уорку недоступно».

За такими походами с участием крестьян следовали рассказы о жестокости нападений, которыми полны хроники казачьей и русской дореволюционной литературы. Народ приветствовал походную жизнь знати и потакал ей, поскольку это позволяло содержать элиту, способную встать на защиту в случае войны. Этим же объяснялись и ограничения в торговле и роскоши для знати. В разное время и в разных субэтносах участие в мелких групповых походах задевало большую часть мужского населения. Тем не менее было бы ошибочно считать, что походы совершались только лишь ради грабежа. Такие случаи могли быть в голодные годы, но большую часть времени черкесское общество было самодостаточным и походы существовали лишь как культура славы и престижа. Даже после перехода на русскую службу на правый берег Кубани многие черкесские князья продолжали делать набеги на чужих и своих уже с российской территории. И администрация вынуждена была закрывать на это глаза, так как не могла побороть устоявшиеся традиции, определявшие смысл жизни черкесской знати. Занимательный случай с этим связанный, произошёл в 1830-е годы на Кубани недалеко от Ольгинского поста, ближе к Тамани, где местные черкесы, лояльные российской администрации, предлагали русскому коменданту организовать совместный поход против российского генерала Засса на Лабинской линии. В их представлении не существовало никакой иерархии и Засс воспринимался лишь как уорк из соседней провинции.

Культура походов за славой – «зекIуэ» – была очень развита в черкесском обществе, где даже религиозная система выработала отдельный образ покровителя всадников Зекотха. В честь него после похода в священной роще делались жертвоприношения баранов или козлов. Мясо варили и раздавали присутствующим, а головы вешали на деревьях. Лучшие части посвящали богу, их вешали отдельно на деревьях или на каменных крестах, пережитках христианства. В этом смысле походы «зекIуэ» были похожи на классические казачьи походы за зипунами. Была эпоха, когда славные всадники из черкесов и казаков путешествовали по кубанским степям и плавням в поисках достойного поединка. Ведь смерть в бою была более славной,

если она была от руки достойного и известного противника. В групповых стычках старались соблюдать баланс – давать противнику равные шансы. Этим был известен народный черкесский герой Кавказской войны Кызбеч Шеретлуко, который при встрече с противником оставлял на поле боя равное ему количество всадников. Бои же знатного и крестьянина исключались – такие конфликты разрешал третейский суд.

Убийство знатного противника в представлении общества передавало победителю его силу и авторитет, победитель как бы забирал себе личность побеждённого. Как в фильме «Горец» про бессмертного шотландца. Люди, которые не понимают этих особенностей мышления, часто трактуют прошлое со значительными заблуждениями, продиктованными современной эпохой и отсутствием знаний. Например, сегодня среди черкесов популярна версия о подлости князя Мстислава, который победил касожского князя Редедю в поединке (касоги – одни из предков черкесов). Эта история известна из старинной русской саги «Повести временных лет». Людей возмущает, что побеждённый и павший на землю Мстислав обманным манёвром зарезал Редедю засапожным ножом, но это считалось нормальным для поединков раннего Средневековья, и потому касоги пошли за победителем Мстиславом. В их глазах он стал новым образом Редеди – полноправным их правителем.

Черкесскую походную систему до середины XIX века стоит понимать как своего рода рыцарскую культуру, обусловленную особенностями престижной экономики – системы экономических отношений в обществе, основанной на дарообмене и распространённой с древности и до середины XX века и впервые описанной известным этнографом Брониславом Малиновским. В этой экономике основным элементом являются не деньги, а уровень авторитета, который делает человека зажиточным. Типичный черкесский князь устраивал поход, в котором проявлял доблесть и славу, а с ними вместе уводил добычу – пленников и скот. По возвращении домой его встречали как героя, а он делал окружающим подарки. Первыми их получали вдовы, любимая женщина или даже крестьянин, который мог попросить князя подарить ему любую часть одежды, и князь обязан был обменять красивую черкеску на рваную рубаху, что считалось честью. Не попадали под обмен лишь конь, шашка и сапоги. Оставшийся скот пополнял стада – признак богатства и эквивалент денег. Пленников князь продавать права не имел. За них назначался выкуп, который оформляли через торговцев, как правило армян. Если выкуп не состоялся, то в зависимости от качеств работника его могли либо продать в Турцию, либо оставить в семье на правах зависимого крестьянина. Со временем такие пленники обзаводились семьями и оставались в хозяйстве князя с полной ассимиляцией. С самого начала их могли приглашать есть за один стол с семьёй, но могли и держать в хлеве на цепи. Всё зависело от личности владельцев пленников, многие из которых не обременяли себя нормами морали и гуманизма. Особенно если дело касалось хорошего выкупа. Тюрем не было, но, пока ждали выкупа, пленник мог годами томиться на цепи. Принятие же ислама в поздние годы Кавказской войны стало обязательным условием условного освобождения, без него пленника могли и убить. Не все стремились бежать, так как на российской стороне могли быть обвинены в дезертирстве. Да и крепостное рабство в России давало о себе знать.

Но что же получал князь в ответ на раздачу подарков? Почёт, уважение и ещё больший доход. Подарки требовали от одаряемого ответного шага. Потому, после похода, уорки могли месяцами мотаться из аула в аул, где в качестве гостей жили в кунацких, получали подарки и ещё больше пополняли тем собственное хозяйство. Когда же поток ответных дел иссякал, начиналась организация нового похода. Минусом такой традиции была вынужденная ответная любезность, которой князь обязывал других и которая порой тяжким бременем ложилась на хозяйство, из-за чего князей порой старались избегать. В свою очередь приезд знатного гостя вынуждал уорка одаривать его большими подарками в соответствии с его статусом. Это приводило к случаям, когда хозяин, не имея достаточного количества подарков, тут же организовывал поход за добычей, пока гость ожидал его в кунацкой. Если князь или уорк был очень

уважаемым человеком, он мог ограбить и собственных крестьян, которые шли ему на уступки, поскольку престиж хозяина в глазах гостя касался и его крестьян – они как бы помогали ему сохранить лицо, а он позже благодарил их подарками. Но такая форма отношений считалась исключением, форс-мажором, которым пользоваться часто было нельзя, да и не все имели достаточный авторитет для этого. Крестьяне могли попросту уйти под защиту другого уорка, а то и пристрелить в стычке зарвавшегося князя/уорка. Внутренние правила в отношении собственности были строгими, хотя понятий о земельных участках и границах черкесы не имели. Даже случайно забредший скот нашедший содержал и как минимум три месяца искал хозяина. Если же хозяин не находился, то отдать его можно было лишь бедным. Так формировался культ вечной войны, призванный поддерживать движение колеса славы и уважения в обществе.

Кровь, престиж и наездники

В прошлой главе я упоминал, что не уважить гостя соответствующими его уровню подарками считалось для черкесского уорка страшным позором, который мог поставить крест не только на репутации, но и на социальном статусе хозяина, как в случае проявления трусости в бою. Это означало социальную смерть, что в традиционном обществе было равносильно смерти физической. В противоположность ей смерть в бою являлась верхом престижа, поскольку считалось позором дожить до седых лет. В поход черкесы брали с собой специальное полотно, в которое заворачивали умерших перед захоронением. Попасть в плен считалось страшным позором. Русские военные отмечали, что черкесы часто дрались с остервенением даже там, где в этом не было никакого смысла. Этикет требовал от них ценою жизни вытащить с поля боя погибшего соотечественника и передать его родственникам либо захоронить. Целые отряды погибали, пытались отбить умерших, но если атака не удавалась и мёртвые оставались в руках врага, то их тела старались выкупить старшие. В менее гуманные ранние годы Кавказской войны могли и отрезать голову, лишь бы было что захоронить. Потому черкесы носили на лысой голове тонкую косичку на затылке – так удобнее было её унести, привязать к седлу. Также отрезали голову убитого врага – считалось, что она приносила удачу, захороненная во дворе дома. Среди причерноморских черкесов такой обычай был распространён до самого конца Кавказской войны.

Если черкес в бою терял оружие, то это явная смерть, поскольку пути домой ему с таким позором не было. Оружие имело сакральный статус, его не разрешалось трогать без разрешения хозяина. Вынимать оружие без цели и только ради угрозы считалось позором. Обнажил клинок – заверши дело. Что касается вообще наездничества, оно было делом дорогостоящим. Черкесские породы лошадей на Кавказе ценились, а полноценный военный костюм уорка – панцирь – мастера могли выделывать до двух лет, и цена его порой равнялась целым конским стадам. Он представлял собой кольчугу, в которой могло быть до 25 000 колец. Панцирь закрывал тело и помещался в ладонях при снятии. Секрет его изготовления считается утерянным, современные реконструкции всего лишь его скромная копия. Ко всему прочему анатомия черкесской лошади и задачи переходов по пересечённой местности выработали особый вид черкесского седла «уанэ». Оно было высоким, с выемкой для хребта местной породы лошади, и набитым мягким пухом, который собирали с козьих стад или, по информации мастера-шорника Айдамира Патокова из Майкопа, набирали на лежищах зубров в горных верховьях. Благодаря этому седлу всадник казался игрушечным, как бы сидящим на башенке на спине коня. Такое седло всадник использовал как подушку ночью. К крупу привязывали специальные кожаные мешки, в которых хранили вещи. Если требовалось пересечь реку, их надували и крепко затыкали отверстия с двух сторон так, что получались поддерживающие всадника на плаву бурдюки.

К снаряжению требовалось иметь черкеску с газырями, пороховницей и натруской. Газыри размещались на груди с обеих сторон, высотой до 10 сантиметров, всего от 16 до 24 штук. «Хьэзыр» (газырь) переводится с черкесского языка как «готовый». Это фактически готовый патрон. Вниз загонялся войлочный пыж, далее засыпали отмеренное количество пороха и закрывали пулей, завернутой в промасленную тряпочку. Поэтому на боевой черкеске газыри закрыты не серебряным колпачком, как на парадной, а заткнуты тряпкой. В бою черкесы вынимали готовый снаряд и быстро заряжали им ружьё. Если же патроны заканчивались, в разгар боя делали новые, обрывая концы рукавов и полы черкески для обёртки пули. Рваная черкеска считалась признаком бывалого воина. В XIX веке, когда романтизированная в русской классической литературе Кавказская война стала модной в Российской империи, кавказские офицеры приходили на балы в Петербурге в рваной черкеске. Иногда и с перхотью

(паршой) на плечах – тоже признаком бывалого воина. Черкесы брили голову налысо, оставляя лишь косичку на затылке, но бритьё насухо в полевых условиях вызывало раздражение кожи – отсюда и перхоть.

Порох черкесы покупали у турок, как и металл для отливки пуль. В годы блокады Черноморского побережья население научилось выискивать использованные пули в местах прошедших боевых действий, а порох готовили сами. Он хоть и был отвратительного качества, но использовался на крайний случай. Один из способов получения пороха – кипячение до выпадения нитрата калия в сильной щёлочи, получаемой из берёзового и тополиного пепла, до его кристаллизации. Основу для селитры (нитрата) к такой смеси обычно брали из сорной травы, что растёт на глинистых почвах, например мари амброзиевидной, которую ели в голодные годы после Кавказской войны. В период дефицита пули могли делать из камня и даже самшитового дерева, поскольку их нужно было много. Типичный черкесский всадник носил за поясом два пистолета и ружьё через плечо в чехле. Долгое время ружья и пистолеты были самые примитивные, кремниевые, и лишь к концу войны в 1850-е годы европейцы контрабандой ввезли к черкесам более серьёзные варианты, вплоть до барабанных револьверов. Появление среди черкесов нарезного оружия во второй четверти XIX века сделало бесполезными до того непробиваемые панцири черкесских уорков, что не только изменило ход войны, но и привело к ожесточённым стычкам знати и крестьян, которые теперь оказались на равных с точки зрения огневой мощи. Правда, способ пробить панцирь знали и раньше, ему успели выучиться у черкесов и казаки. В ствол одного пистолета засыпали длинные иглы, а второй заряжали пустым порохом. Дымный выстрел порохом дезориентировал всадника, и пока он думал, что нападающий перезаряжается в облаке дыма, наступал с целью ударить шашкой. В этот момент, подпустив того поближе, нападающий выстреливал из пистолета иглами, которые прошивали кольца панциря и поражали вооружённого всадника.

В бою черкесы после первого выстрела всегда бросались с шашками. Это уникальное рубящее оружие считается сегодня одним из сильнейших в мире. По одной из версий, прототипом шашки был нож для рубки лозы, само название которого – «сэшхуэ» – переводится с черкесского языка как «большой нож». Более лёгкое и сильное оружие заменило классическую саблю в XVII веке, а с приходом на Кавказ российских войск шашка вошла и в их обиход. За ней пришли в русский и казачий обиход черкеска с буркой, как удобное боевое одеяние. Для крайних случаев в бою использовался кинжал, который у причерноморских черкесов имел свою особенность – укороченную форму.

Так проходила жизнь черкесской аристократии – в набегах и добыче славы. И чем дальше по расстоянию предпринимался поход, тем большую славу приобретали его участники. Разница в методике походов заключалась в том, что ограбление своих соплеменников внутри общности регулировалось намного большим количеством ограничений, чем ограбление соседнего народа. Открытый грабёж в соседнем ауле или даже среди своих крестьян считался недопустимым. Однако если такой грабёж совершался умело и железных доказательств причастности к нему представить не могли, то такой человек считался очень ловким и удачливым, чем вызывал уважение в обществе. Неприкосновенными считались купцы и путешественники, но им требовалось иметь защиту какого-либо уорка или князя, который покровительствовал им. Но в этом случае существовала угроза стать жертвой кровной мести со стороны враждебной покровителю семьи. В случае угрозы военных действий этические ограничения и вовсе становились минимальными.

Всадники проводили в походах примерно полгода – весной и осенью, и эти периоды характеризовались как сезон наездников. Такой выбор сезонности связан с необходимостью помощи в сборах урожая летом и опасностью походов в обширные степи Кубани зимой, когда погода в этих местах особенно нестабильна. Но бывали и исключения. Например, убыхи сочинского региона ходили в походы на Грузию и Абхазию именно зимой с использованием лыж,

а проживавшие в Средние века вдоль восточных берегов Азовского моря черкесские общества ждали замерзания пролива для походов в Крым. У горных черкесских обществ шапсугов, убыхов и абадзехов, в отличие от равнинных черкесов, развился пеший способ походов, связанный с ограниченными возможностями разведения лошадей в условиях горной местности. И у него была своя сезонность, отличная от равнинной.

Среди предков причерноморских черкесов было развито морское пиратство, как и у их соседей убыхов. Оно напоминает тактику викингов и русских отрядов раннего Средневековья и вообще свойственно обществам на стадии военной демократии. Черкесы строили небольшие, узкие и лёгкие суда, называемые греками «камарами», то есть «крытыми лодками». Лодки черкесов были длинными, узкими и плоскодонными, вмещали от 30 до 120 человек. Нос лодки украшала деревянная резная скульптура с головой барана или горного козла. По своему строению они очень похожи на античные пиратские лодки Средиземноморья, на которых дальние предки черкесов грабили древних греков на черноморских берегах на несколько тысячелетий раньше. Их мобильность и скорость позволяли пиратам оперативно передвигаться и уходить от погони громоздких кораблей, скрываясь в узких долинах рек, недоступных для преследователей. Обычно такие лодки всегда лежали наготове в ближайших прибрежных кустах.

В Средние века пиратство на Чёрном море процветало не хуже, чем в античные времена, и при этом расширилось. В основном пиратством занимались выходцы из горно-прибрежных общин, которые расширили пиратскую зону в Азовское море, где соревновались в этом деле с генуэзцами и венецианцами. Самым лакомым куском считался Керченский пролив, где нередко стороны вступали в конфликт, но это никого не останавливало. Выгода от пиратства за один удачный выход в море покрывала годовой расход на это ремесло. Новые хозяева Чёрного моря с XV века – турки и крымские татары – также страдали от черкесского пиратства. В 1572 году итальянец Винченцо ди Алессандро писал, что черкесы ограбили весь южный турецкий берег Чёрного моря и взяли в осаду Трабзон, откуда увели множество пленных ради богатого выкупа. Примерно в те же годы современники отмечали многочисленные нападения пиратов на прибрежные земли в Западной Грузии. Пиратство на побережье было распространено вплоть до первой половины XIX века, когда его начали активно пресекать российские военные суда, державшие блокаду берега.

По данным историка Асланбека Марзея, во время набегов или дальних переездов черкесы пользовались природными ориентирами, и для них являлось нормой идеальное знание дорог. Опытные всадники, как правило, очень хорошо знали розу ветров в своей местности и понимали, с какой стороны дует ветер в тот или иной период года. В холодное время на курганах отмечали южную сторону по талому снегу или шупали сухими тёплыми руками муравейник, северная сторона которого была всегда более влажной. В ночное время главным указателем служила Полярная звезда или Млечный Путь, чьё название при переводе с черкесского на русский язык звучит примерно как «путь прогона лошадей». Иногда путь определяли по созвездию Большой Медведицы, а время суток прикидывали по созвездию Лиры. Примечательно, что в туманное время партии конников выстраивались друг за другом, ведомые знающим дорогу вожаком. Чтобы не потеряться, всадники использовали кремень, о который выбивали искры, указывающие в тумане дорогу между ведущим и замыкающим. Наездничество пользовалось популярностью и на праздниках. На свадебных скачках принимали участие подростки и юноши от 12 до 16 лет – это всё было для них. Владельцы лошадей сами отбирали мальчиков так, чтобы соблюсти баланс умений всадника и качеств лошади. Скакали юноши в одних рубашках и штанах, а для лошади вышивали красное или жёлтое покрывало. В XIX веке скачки с молодыми людьми были настолько эмоциональными, что дело порой доходило до несчастных случаев – где-то упал с коня, где-то неудачно задела. И так свадьбы перетекали в похороны, а учитывая обширное народонаселение – процесс этот длился без конца.

По словам черкесского общественного деятеля XX века Пшемахо Коцева, советская коллективизация и продовольственные ограничения привели к катастрофическому сокращению поголовья лошадей на Северном Кавказе, а с ними и к отмиранию всаднической традиции. Это была уже вторая волна сокращений. Первая, по словам польского наёмника и исследователя Теофила Лапинского, случилась на последних стадиях Кавказской войны с активизацией боевых действий. Однако и после 1930 года в хозяйствах Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии продолжали действовать мощные коннозаводческие фермы, которые отчасти сохранили некоторые традиции. Например, зимой 1935 года всадники на кабардинских лошадях совершили горный переход в 3 000 километров вокруг Кавказского хребта.

Сегодня возрождение культуры наездников носит очень ограниченный характер. Лошадь стала скорее роскошью, чем средством передвижения, и содержание её могут позволить себе лишь очень обеспеченные люди, каких на бедном Северном Кавказе немного. Периодически такие владельцы собираются и проводят конные переходы, как правило, с равнины, через горы, к морю. Такие мероприятия, обставленные традиционными праздничными элементами, стали частью культурного этнотуризма в регионе.

Ещё один важный фактор устройства набеговой системы заключается в том, что для князей и уорков считалось позорным заниматься крупной торговлей и духовными делами, быть трусливым, скупым или жадным. Обычно торговые и духовные стороны жизни брали на себя крестьянские старшины или просто свободные крестьяне, армянские, еврейские и турецкие торговцы, эфенди. Но духовные лица всё равно вступали в ряды всадников, когда поход касался борьбы с неверными. Они надевали белую чалму и ездили на лошадях игреневого масти, а на последних этапах Кавказской войны и вовсе могли вести за собой всадников. Духовное дело интересовало знать лишь с точки зрения взаимоотношений с Османской империей, остальное воспринималось как трусость, как и жизнь в укрепленных домах, что привело к отсутствию сколь-либо основательных сооружений у черкесов. Сакля часто строилась из веток и камыша так, чтобы её не жалко было покинуть и сжечь в случае подхода врага. Исключением были дома богатых убыхских и абазинских владельцев на Мзымте и в верховьях рек Сочи и Шахе, построенные капитально из дерева или камня под мощным культурным воздействием Османской империи. В обычной сакле было два входа: для поддержания традиции избегания, проветривания против болезней и чтобы незащищенные жители аула могли быстро уйти через чёрный ход. Черкесские всадники презирали службу во внутреннем пространстве. Потому провалился турецкий план найма на службу в гарнизон в Суджук-кале (ныне Новороссийск) черкесских уорков. Они попросту уходили из крепости. Отношение черкесов к богатым каменным домам хорошо показано в истории, случившейся в Екатеринодаре в 1900 году. Тогда два брата из богатейшего семейства черкесских армян Богарсуковых построили великолепный дом-дворец для патриарха семьи Никиты Богарсукова. Ныне в нём находится Историко-археологический музей-заповедник имени Фелицына. На открытие дома Никита пригласил черкесских кунаков, в том числе некоего Хакуя из бжедугской черкесской верхушки. Выходцы из рода Хакуев являлись почётными держателями походного флага своего народа в черченеевском колене бжедугского черкесского общества. Во время экскурсии по дому Хакуй с сарказмом спросил Никиту Богарсукова, имевшего черкесское имя Меджлыш, о том, где находится в доме комната без окон, где хозяин мог бы спрятаться от смерти. Ибо будет очень обидно потерять такую красоту, которую он тут себе настроил. Никита Богарсуков отшутился, что такого инженера мир ещё не родил, и предпочёл больше не устраивать таких экскурсий. С точки зрения этикета, это был серьёзный укол.

Вопрос интерпретации набегов сложный и определяющий в изучении кавказских народов, а потому он давно и прочно расколол научное сообщество на два радикально противоположных направления, которые по-разному трактуют смысл черкесской набеговой системы. Одна из научных школ считает, что черкесское хозяйство было слабым, люди жили

бедно, а потому набеги и работорговля были единственным способом пропитания, прибыли и достатка. Такая точка зрения встречается у российских региональных историков.

Другая научная школа считает, что черкесское общество было вполне самодостаточным, с богатым, развитым и гармоничным хозяйством, а в набеги черкесы ходили благородно и только ради славы. Безусловно, работорговля была позорным явлением черкесской истории, какой она является для очень многих человеческих обществ на определённой стадии развития. Черкесия тех лет – разрозненная земля, застрявшая в эпохе переселения народов, в которой нет взаимодействия сословий и территорий, государственных институтов. В ней отсутствовали моральные и правовые барьеры перед торговлей своими же людьми. Точно так, как это было и на Руси вплоть до консолидации Московского княжества при Иване Грозном. Да и крепостное право рубежа XVIII—XIX веков в Российской империи мало чем отличалось от рабства. Ужесточились набеги лишь во время активной фазы войны, как ответ на репрессии со стороны Российской империи. Такая точка зрения распространена среди национальных историков Кавказских республик. Однако в последние годы всё большее число учёных-кавказоведов отходит от крайностей этих точек зрения. Работы приобретают более взвешенный усреднённый взгляд, основанный более на источниках и принципе историзма, а не эмоциональном или идейном изучении этнографии и истории края исходя из личных предпочтений исследователя.

Не менее бурные дебаты в разных научных школах вызывает интерпретация самой Кавказской войны. Российская академическая наука считает правильным наименование «Кавказская война», впервые упомянутое в трудах царского военного историка Ростислава Фадеева в XIX веке. Правда, непонятно, почему книга называлась «Шестьдесят лет Кавказской войны», если изначально автор датировал её 1817—1864 годами. Первая дата связана с началом генералом Ермоловым активных боевых действий в горах Кавказа с прорубанием просек в густых лесах к непокорным аулам. С другой стороны, национальные историки северокавказских республик придерживаются наименования «Русско-Кавказская война», столь же старого в историографии, и ведут её отсчёт с 1763 по 1864 год. Начальная дата связана с постройкой российской крепости в Моздоке, перекрывшей пути сообщения кабардинцев со степными пастбищами Ставрополя и побегом крепостных крестьян и рабов под защиту крепости с последующей их христианизацией, что вызвало столкновения российских властей с кабардинской знатью. Позиции сторон в вопросе интерпретации дат и наименования этой войны непримиримы.

На мой взгляд, такое сложное социально-политическое явление, как Кавказская война, нельзя так упрощённо интерпретировать. Эта война вдоль своей хронологии имеет неявный характер и нечёткие границы между мирными и военно-партизанскими периодами, что в наше время принято характеризовать как гибридные конфликты. Первый этап войны в национальной историографии с 1763 по 1817 год может быть охарактеризован как гибридный период, а уже после него войну можно интерпретировать как классическую для своего времени. Единственное, в чём я могу согласиться с первой группой учёных, – термин «Русско-Кавказская» не очень подходит для её понимания. Со стороны Российской империи на Кавказе воевали не только русские, потому если уж называть, то «Российско-Кавказская война». С другой стороны, Кавказ не представлял из себя единую сторону. Здесь тоже все воевали против всех, а в итоге все стороны оказались поглощены Российской империей. Для таких войн с множеством сторон более логичным является наименование по географии или известному всем сторонам идентификатору, например Северная война, Наполеоновские войны, Балканские войны, Крымская (Восточная) война и так далее.

Теперь, когда мы знаем, по каким этическим правилам жили и живут причерноморские черкесы, я предлагаю познакомиться поближе с их ежедневным бытом и традициями.

Через музыку к гармонии

На улице моросит осенний дождь, предвестник наступающих осенних ливней. Очень скоро они наполнят до краёв реки, размоют дороги и снесут мосты. Но до этого ещё два дня, а пока мы с супругой, вся команда «Шапсугской экспедиции», стоим на пороге длинного одноэтажного здания, обитого светло-жёлтым поликарбонатом, и пытаемся сделать хорошую фотографию. Позирует нам молодой парень в красивом белом национальном мужском костюме. Он застыл в грациозном движении. Руки вытянуты в стороны, подбородок гордо поднят вверх, длинные вырезы материи свисают на руках, закрывая кисти. На талии выделяется чёрный пояс с серебряными узорными полосками. Длинные рукава его костюма символизируют белые крылья – образ свободного орла лежит в основе грациозного черкесского танца, называемого исламей. Мужчины и женщины в этом танце не должны касаться рук друг друга, они прикрыты длинными свисающими рукавами. Парня зовут Мурдин Шхалахов, ему 33 года. Его фотографии суждено будет стать афишей фотовыставки о традициях и быте причерноморских черкесов.

Дождь ненадолго прекратился, и к Дому культуры приехала супруга Мурдина Зарема с дочкой Самирой. Девочка одета в красивое белое национальное платье и весело смеётся, пока мы настраиваем фотоаппарат. Всё это время мимо нас молчаливо курсирует старик с тростью, туда-сюда по одной улице, и поглядывает в нашу сторону хмуро. Но стоило ему заметить появление ребёнка на горизонте, и он тут же улыбается и подходит поздороваться. Из его кармана, как по волшебству, появляются конфеты. Самира ещё больше оживает, замечает, что её снимают, и начинает кокетливо позировать в объектив. Зарема, супруга Мурдина, родом из соседнего аула Агуй-Шапсуг – крупнейшего на побережье. В первые годы совместной жизни Зарема стеснялась говорить на родном языке, но Мурдин уговорил жену его хорошо подучить. Правда, акцент всё равно остался. Дедушка не их родственник, но никто не смущён. Старшие жители аула заботятся о всех детях в посёлке – это норма черкесской культуры. Отношения здесь у детей со старшим поколением строгие и уважительные.

Дом культуры аула Псебе – центр местной культуры и развлечений. Впрочем, в Туапсинском районе все дома культуры имеют такой статус. Здесь сосредоточена культурная жизнь местных аулов. Дети учатся народным танцам, занимаются в секциях народного ремесла, развлекаются вместе. Взрослые собираются для совместного отдыха – играют в шахматы, шашки, учат детей. Дома культуры скрепляют черкесское общество узами взаимного уважения и родства. В ауле Псебе такой дом удобно расположился рядом со школой, так что детям не приходится далеко идти.

А идут они после уроков именно сюда, где Мурдин учит их танцам, как руководитель танцевальных курсов. Народные танцы – очень популярное у молодых людей занятие. В черкесском обществе они до сих пор остаются важнейшим способом коммуникации. На танцах молодые люди знакомятся, общаются, находят себе пару для будущей совместной жизни. Потому так многочисленны черкесские праздники и свадьбы и потому на российских и международных фестивалях национальных танцев так много коллективов от каждого аула. Дети учатся танцевать с малых лет и до совершеннолетия. Парни и того дольше. Даже будучи студентами в других городах, они стараются выбрать время, чтобы приехать в родной аул и зайти на тренировку в клуб.

В большинстве клубов Туапсинского района молодёжь учится танцевать, занимается шитьём платьев, кукол, вышивкой узоров женских национальных костюмов золотой нитью. Здесь, в клубах, дети изучают родной язык, в основном на факультативной основе, при поддержке общественников и государства. Вообще, поддержка собственного народа при возможности – явление для причерноморских черкесов нередкое. В аулах мне с гордостью рассказы-

вали, что новенькие дороги и мосты к ним проложили благодаря поддержке выходца из аулов в местном Росавтодоре.

В отличие от Туапсинского района, клубы причерноморских черкесских аулов Большого Сочи большой роли в жизни местных жителей не играют. В постсоветские годы они превратились в места для сходов собраний граждан и встреч скучающих пенсионеров. Флаг танцевального движения молодёжи здесь перехватил Адыгский культурный центр посёлка Лазаревское, микрорайона Сочи, расположенный в центре национальных культур. Местные танцоры объединились в мощный ансамбль «Шапсугия» на базе советского ещё коллектива «Одышъ» – детища уважаемого в народе руководителя Аслана Хейшхо и его сына Руслана Хейшхо из аула Тхагапш. Дети и подростки из черкесских семей района через этот коллектив получают возможность представить культуру своего народа в России и мире, так как у ансамбля хорошая репутация среди национальных культурных коллективов страны.

Сопровождает танцевальные выступления музыкальный коллектив «Насып» – в какой-то мере уникальный. Здесь мне впервые удалось вживую услышать звучание редкого черкесского инструмента – апепшины, ближайшим аналогом которого можно назвать балалайку с тремя струнами, с той разницей, что апепшина имеет прямоугольную форму. Звуки апепшины дополняют гармоника, камыль (флейта) и пхачичи (трещотки).

Другой известный черкесский инструмент – шичепшин. Мастеров игры на нём сегодня мало, хотя в прошлом он был очень популярен. Шичепшин – род скрипки в вытянутой форме с острым концом. Струны не её делаются из конского волоса, как и смычок. В 1990-е годы искусство изготовления инструмента и игры на нём были практически утеряны. Произошло это из-за того, что ещё в конце XIX века большую популярность приобрела гармоника, а опытные музыканты постепенно ушли и не передали своё дело молодым. Но благодаря мастеру из Майкопа – Замудину Гучеву – ремесло удалось спасти и вновь сделать популярным. Сегодня о шичепшине написаны огромные труды, её изготавливают мастера, на ней играют во многих ансамблях, а Замудин Гучев успел выпустить несколько поколений молодых музыкантов.

Как и флейта (камыль), шичепшин имеет широкое распространение в мире. Сегодня эти инструменты под разными названиями встречаются среди тюркских народов, а также у бурят и финно-угорских народов Урала. Также и трещотки (пхачичи) – инструмент простой и популярный везде. Они представляют собой связанные пучком деревянные пластинки, вырезанные из ясеня. Однако наиболее качественными считаются трещотки из самшитового дерева, очень редкого и труднодоступного сегодня.

В прошлом черкесские дети в причерноморских черкесских аулах любили притчи и анекдоты о похождениях Ходжи Насреддина, со взрослыми пели историко-героические и «мухаджирские песни» (например, «Айдемиркан\Андемиркан», «Хатхе Кочас», «Коджебердыко Мыхамет», «Битва при Шехапе», «Переселение в Стамбул»). Лирические, шуточные, застольные и другие песни пели только мужчины, иногда с инструментами и хоровым подпевом. Популярными были плачи о погибших героях. Мурдин из аула Псебе рассказывал нам историю одного аульчанина, который всю свою жизнь играл на гармонике на свадьбах и так и не обзавёлся семьёй, хотя и был очень популярен у женского пола. В наше время таких идейных людей уже не осталось, и организация танцевальных курсов сталкивается с проблемой поиска музыкантов. Живая музыка имеет огромную важность, поскольку танцоры должны слышать звук настоящих инструментов для успешных выступлений на народных праздниках, свадьбах и фестивалях. Например, в ауле Малое Псеушхо гармонист всего один, так что, когда у него нет возможности приехать, он связывается с клубом по Skype и играет для ребят через проектор экрана. Освоить игру на гармонике, барабанах и пхачичах, притом что это дело не самое прибыльное, не так-то просто. Поэтому музыканты сегодня в цене.

Путь Мурдина от любителя в танцевальные мастера был длинным и тернистым. Он начал своё обучение в местном доме культуры ещё в 1995 году, но оно оказалось для него слиш-

ком тяжёлым. Из-за низкого роста ему приходилось очень долго ожидать очереди, пока тренер обратит на него внимание. Предпочтение отдавалось высоким перспективным парням. Мурдин упорно занимался, не спал ночами вплоть до 2002 года, пока не забросил танцы. Но со временем товарищи уговорили его вернуться. Подкупила жвачкой соседская девочка Фатима – вытянула на разговор и убедила вернуться. Со временем тренер поменялся, пришёл другой, группа начала выступать на фестивалях, но дело не шло. И тогда его дядя, Рамазан, предложил племяннику пройти обучение и стать тренером в клубе. Мурдин тогда об этом даже не думал, собирался выучиться в станице Северной каменщиком. На побережье это хорошая профессия, прибыльная. Учёбу по ней он закончил в 2008 году, но каменщиком так и не стал. Пока учился, принял решение в пользу клуба. Поначалу думалось – это временное, хотелось привить детям чувство уважения к традиции, но временное превратилось в важную часть жизни. Так набралась у Мурдина группа из двенадцати ребят, которые учились у него с первого по девятый классы. На вопрос о планах на жизнь Мурдин отвечает просто: выучить столько танцоров, сколько получится, вырастить после себя достойного тренера и тогда можно оставлять клуб в надёжные руки. Ещё бы поясok обновить серебряный да помещение для танцев расширить, а больше ничего и не надо. Пока что ребятам для больших выступлений приходится ездить на побережье в посёлок Новомихайловский. Музыкант для группы тоже приезжает оттуда.

Черкесские танцы – особая тема. Уже упомянутый выше танец исламей («исльамый») – медленный, причерноморские черкесы танцуют его в тройке: парень и две девушки. У этого танца красивая история. Однажды простой пастух наблюдал за тем, как кружится в небе орёл, а потом к нему подлетают орлицы. Пастух запомнил рисунок полёта гордых птиц и повторил его узоры в танце. Черкесы танцуют и групповые танцы. Например, зафак («зэфакIу») – старинный парный танец, где парни и девушки выстраиваются по восемь человек в линию. Такой танец мы в экспедиции наблюдали в ауле Малое Псеушко, где его исполнили молодые ребята из детского танцевального коллектива «Дети гор». Он опубликован на моём YouTube-канале «Этнографика» в общих часовых отчётных фильмах о «Шапсугской экспедиции».

Отчётное видео «Шапсугская экспедиция», часть 2

Очень популярный танец – удж. Его особенно любит молодёжь за возможность общения, в то время как парные танцы – за возможность знакомства. На свадьбах и праздниках танцуют его особую версию – «удж-хъурай», которым начинают или заканчивают торжество. Для танца выбирают почётного вожака танца и королеву красоты, которые в замкнутом круге исполняют танец в группе с музыкантами. Свадебный «удж-хъурай» позволяет танцорам братья за руки, но скромно. Танцевали его раньше обязательно в черкесках и головных уборах, и мужчины, и женщины. Избранная голосованием красавица выходила в танцевальный круг в каракулевой шапке, которую на неё надевал партнёр по танцу. Разные формы танца удж всегда были популярными в черкесской среде. Особенно ритуальные, как шиблеудж, который посвящался богу грома, или тхашхоудж для главного бога Тха.

Есть среди черкесских танцев и быстрые, например, захатлях («зыгъэлъат»), тоже танцуемый в паре. В прошлом на свадьбах был популярен мужской танец «тлэпэчъас/ лъэпэчIас». Его сложность заключалась в том, что танцор исполнял его на кончиках пальцев ног. Танец этот предполагал быструю импровизацию и чем-то походил на лезгинку, но типичные черкесские танцы всё же медленные. Если вы задумались, почему я не упомянул саму лезгинку, то всё просто – это не черкесский танец. Она наследие культуры другой стороны Кавказа – Дагестана, Чечни, Грузии, но никак не медленной и гордой Черкесии. Хотя на побережье для туристов её, конечно же, танцуют, взамен вышедшего из моды «тлэпэчъаса». До недавнего времени исполняли ещё танец «загагуз/ачъэкъашъу» – своего рода шуточное театральное выступление, черкесский мюзикл с участниками в масках козла («ажэгъафэ»). Очень хорошо атмосферу этого танца передали в клипе Qhуааа E Ored («Кхъуауэм и уэрэд») ребята из кабардинской группы JRPJEJ.

В прошлом школой танца выступали свадебные мероприятия, и особенно «лэгъунэ» – брачные помещения для молодожёнов. После свадьбы сюда привозили невесту, и к ней долгое время наведывались гости, собиралась молодёжь для танцев. Именно в таких помещениях подростки получали первые навыки танца, учились этикету и воспитанию нравственности. Для «лэгъунэ» строились отдельные дома на подворье дома родителей жениха. Сегодня для него выделяется комната в доме, но танцы в ней проходят лишь в случае празднования свадьбы по традиционным обычаям, что сегодня случается достаточно редко. Экономика влияет, люди предпочитают скромные свадьбы в ресторанах или дома без традиционных элементов.

JRPJEJ – Qhуааа E Ored («Кхъуауэм и уэрэд»)

Хорошим поводом для знакомства и общения раньше были обряды чапща («кIапщ») – веселья у постели раненого/больного. В такие моменты молодёжь развлекалась, играла, пела и танцевала, дабы не дать больному уснуть. Считалось, что таким образом радость присутствующих отгоняет от больного злых духов. Лекарь в это время наблюдал за состоянием больного, промывал ему раны, делал припарки, варил травы, поил минеральной водой или просто молился. Эффект от этих процедур далеко не всегда был полезным для пациента, поскольку лекарями часто выступали духовные лица, которые лечили все болезни молитвой и подорожником. Помогать больному мог и костоправ – у черкесов была очень развита щадящая медицина, когда старались максимально избежать хирургических операций и сохранять конечности. Лекари лечили переломы костей наложением шин и мазью из яиц, мыла и трав, использовали для фиксации деревянные планки. При головных болях применяли кровопускание.

Во время проведения ритуала чапщ молодёжь подвешивала над столом очень сухую лепёшку или сыр и каждый старался ловить её зубами, раскачивая на нитке. Порой это приводило к травмам, ибо лепёшки были столь же твёрдые, как и лбы участников. Чапщы прекратились в 1930—50е годы вместе с гонениями на лекарей и народную медицину со стороны большевиков. Впоследствии если их и проводили, то разве что в шутку и без соблюдения ритуалов.

Примечательно, что в доме жениха могли танцевать все гости и родственники, но не невеста. В культуре причерноморских черкесов замужняя женщина прекращает танцевать сразу после свадьбы. Это связано с самой функцией танцев, как способа познакомиться с будущим мужем. Женщины с большой ностальгией вспоминают танцы, и это многих приводит в профессию, связанную с культурой и танцевальной традицией. В экспедиции нам довелось слышать историю одной хитрой девушки, которая обошла этот запрет. Она вышла замуж за абхаза, а их культура не запрещает женщине танцевать в замужестве. Незамужних девушек в традиционном черкесском обществе не ограничивали в общении. Они могли приглашать парней к себе в гости, вести с ними беседы, проводить время. Обязательным условием было присутствие подруги и/или старшей женщины в доме и незапертая дверь, а со стороны парня – присутствие друга. Считалось, что так девушки могли легче найти и определить потенциального мужа. Участие в общественных праздниках и танцах также не ограничивалось.

Популярность танца и музыки поддерживалась одной особенностью: в бесписьменном до XX века традиционном черкесском обществе историю и традиции своего народа передавали в устном, а точнее, песенном формате. Отсутствие письменности ставило ораторское мастерство на высочайший уровень. Обязанность передачи знаний и традиций, а также моральной оценки поведения соотечественников лежала на специальных людях – джегуако или хатияко – своего рода бардах. Эти люди с детства воспитывались в особых условиях и чаще всего в семье певца. В их руках находилась огромная власть. Джегуако приглашали на все народные мероприятия, так как без них они не могли проходить. Точно так же ласково принимали их к себе уорки и князья, которым моральная традиция запрещала хвастаться своими военными деяниями. Джегуако составляли бравые песни об их подвигах, но здесь крылась опасность. Статус бардов в обществе был настолько велик, что ни один знатный черкес не посмел бы тронуть их пальцем. Потому певцы могли сложить песню и о позорных сторонах жизни знатного наездника, поскольку их прямой задачей было показать поступки человека с точки зрения морали и справедливости. Ещё одной функцией джегуако были военные песни-гимны, которыми они поддерживали боевой дух наездников во время боя. Иногда певцы использовали огромные метровые рога, издающие гулкий звук. Как звучит такой рог, можно услышать на улицах Нальчика в Кабардино-Балкарии на 21 мая в День памяти жертв Кавказской войны.

Некоторые специалисты считали черкесский способ ведения боя в прошлом похожим на спектакль, в котором роль актёра и критика брали на себя джегуако, и они же заставляли воинов вести себя строго по правилам этикета. После Кавказской войны и коренного перелома в обществе черкесов классические джегуако-барды исчезли. Их заменили хатияко и простые музыканты. Первые – распорядители народных торжеств, которые постепенно превратились по функциям в свадебного тамаду. Вторые на свадьбах играли музыкальные композиции и пользовались огромным уважением в народе. Сегодня и те и другие явление редкое. К сожалению, вместе с традиционной музыкой под угрозу исчезновения понемногу попадает и черкесский язык. Глобализация не щадит наследие малых народов, и молодое черкесское поколение сегодня уже испытывает проблемы с владением родным языком. Сохранить его невероятно важно, поскольку язык несёт в себе несравненно большую глубину знаний о традициях и прошлом народа, как и его музыка.

Тайное знание языка

Черкесский язык, включая его шапсугский субдиалект, относятся к изолированной языковой группе, привлекающей внимание лингвистов всего мира. Адыго-абхазская, или северо-западнокавказская языковая группа, также называемая просто западнокавказской, распространена на Северо-Западном Кавказе. Носителями этих языков являются коренные народы региона: абхазы – на территории Абхазии, черкесы в трёх российских республиках – Адыгее (адыгейцы), Карачаево-Черкесии (черкесы) и Кабардино-Балкарии (кабардинцы), черкесы из шапсугского субэтноса, проживающие на Черноморском побережье Краснодарского края. К этой же группе относятся и абазины, проживающие сегодня преимущественно на территории Карачаево-Черкесии. Подавляющее большинство носителей языковой группы двуязычны, то есть общаются также на русском языке или на языке страны проживания. И в своём выборе, к сожалению, часто отдают предпочтение не в пользу родного языка.

Черкесский, или адыгский, язык делится на два крупных языка или диалекта. Вопрос их определения всё ещё остаётся спорным как в научной, так и в общественной среде, поэтому я остановлюсь на понятии «диалект», который считаю более верным, несмотря на то, что западные и восточные черкесы трудно понимают друг друга. Восточный или кабардино-черкесский диалект распространён в республиках Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, а также трёх аулах на востоке Краснодарского края (Кургоковский, Коноковский и Урупский). Диалект делится на восемь говоров, из которых бесленеевский иногда выделяют в отдельный из-за его промежуточного положения. Второй – западный, кяхский или адыгейский, диалект распространён в Республике Адыгее, а также причерноморской зоне Краснодарского края в аулах причерноморских черкесов. В его составе существуют также официальные субдиалекты: – темиргоевский, бжедугский и редкий абадзехский в ауле Хакуринохабль Республики Адыгеи. Ещё один шапсугский субдиалект содержит два типа говоров: кубанский говор в аулах Псейтук, Хаштук, Афипсип и Панахес Республики Адыгеи, черноморский в аулах Туапсинского района и хакучинский в аулах микрорайонов Большого Сочи в Краснодарском крае. Отличия между ними незначительные. Официально восточный и западный диалекты разделены, как два различных языка, и имеют разный алфавит. Основой для восточного алфавита стал баксанский говор, а для западного – темиргоевский субдиалект.

Согласно данным переписи 2010 года, в России проживает около 720 000 черкесов, из которых западные составляют 129 000 человек, а восточные 590 000 человек, включая крупные общины в Москве и Санкт-Петербурге. Носителями родного языка себя признали 117 500 человек в первой группе и 516 000 во второй. Черкесы, говорящие только на родном языке, представлены только в Кабардино-Балкарии в количестве 36 000 человек. Общее количество черкесов в мире составляет по разным оценкам от 2,6 до 5 миллионов человек. Большая их часть представлена разрозненными общинами преимущественно в Турецкой Республике (не менее 1,5 миллиона). Крупные общины есть также в Германии, Бельгии, США, Австралии, Иордании, Израиле, Египте и Сирии. Носители родного языка, по данным ООН, в мире составляют около 1 703 000 человек. В зарубежной диаспоре распространены более архаичные формы всех перечисленных ранее диалектов и субдиалектов, но особенно шапсугский вариант западного диалекта.

Часто к черкесам относят народ убыхов (пёх), некогда проживавший на территории Большого Сочи. Специалисты уточняют, что это «одно из черкесских племён, весьма смешанное по своему составу». Этнограф и лингвист XIX века офицер Леонид Люлье, знавший черкесский язык, считал, что убыхи говорят особым языком, не имеющим сходства ни с черкесским, ни с абхазским. Однако большинство убыхов уже к концу Кавказской войны в 1860-х

годах говорили либо на абадзехском субдиалекте западно-черкесского диалекта, либо на абхазском/абазинском языках.

Убыхский язык постигла печальная судьба. Поскольку убыхи оказали наиболее ожесточённое сопротивление продвижению войск Российской империи в район Сочи и в 1864 году не приняли ультиматум российских властей о переселении в долину реки Кубань, подавляющее большинство этого народа покинуло родину и переселилось в Османскую империю. Оставшиеся на Кавказе убыхи довольно быстро растворились в среде родственных им абхазов и черкесов. В Турецкой Республике им в силу малочисленности и жёсткой политики властей не удалось сохранить родной язык. Последний известный носитель убыхского языка – Тевфик Эсенч, умер в 1992 году. Он успел передать миру убыхский язык, поскольку более сорока лет активно сотрудничал с целой плеядой выдающихся мировых лингвистов-кавказоведов, которые составили грамматику, словари и учебники по полученным материалам. Сегодня убыхский язык является одним из наиболее привлекательных для лингвистов языков, попытки возродить его проводятся в Сухумском университете Абхазии. Есть информация также о двух двуязычных носителях убыхского языка в Турции сегодня.

Вопрос происхождения черкесского языка и отнесения его к какой-либо из общеизвестных ветвей до сих пор не разрешён. Принято включать черкесский язык в одну адыго-абхазскую группу, которая является частью большой северокавказской семьи языков вместе с нахско-дагестанской группой на Восточном Кавказе. По версии лингвиста Алексея Касьяна, эта большая семья разделилась в начале – середине IV тысячелетия до нашей эры. Черкесский, убыхский и абазинско-абхазский языки разделились примерно 2,5—3 тысячи лет назад. Абазинский и абхазский, а также западный и восточный диалекты черкесского языка разделились около тысячи лет назад. Свою версию выдвигал этнограф Леонид Лавров, который считал, что в каждом ущелье побережья существовал свой отдельный язык, как в современном Дагестане, пока они не начали унифицироваться примерно после 1000 года нашей эры.

Отдельная актуальная тема национального мифостроительства – хатты. Это древнее коренное население Анатолийского полуострова (Турции), которое на рубеже III тысячелетия до нашей эры оказалось поглощено внешней миграцией индоевропейского народа хеттов. Анализ нескольких десятков слов, в основном ритуального характера, позволил лингвистам ещё в начале прошлого века выделить хаттские слова внутри хеттского языка и привёл исследователей к выводу о родстве адыго-абхазской и хаттской языковых ветвей. Данных было явно недостаточно для каких-либо серьёзных выводов, но это не помешало в 1990-е годы проникновению в черкесское общество идей прямого родства черкесов и хаттов. Идеи эти стали очень популярными, обросли невероятными подробностями и даже проникли в академические труды черкесских историков как установившийся факт. Отдельные группы активистов даже устраивают выезды в Турцию в музей под открытым небом, основанный на раскопках Хаттуссы – древней хеттской столицы, стоящей на более раннем хаттском городище. Находящийся там зеленовато-голубой камень из лазурита превратился в место паломничества последователей этого неоязыческого культа в связи с его мифологической ассоциацией с божественным небом черкесской мифологии Уашхэ. В прошлом его имя использовалось для клятв в формулировке «сине-зелёным камнем, кусочком синего неба клянусь». Возможные тюркские корни этой традиции, пересекающиеся с кочевым божеством синего неба Тенгри, последователей культа не смущают.

В советское время лингвистом Сергеем Старостиным для объяснения языкового родства кавказских языков была предложена теория сино-кавказских (или дене-кавказских) языков. Эта гипотетическая языковая макросемья, предложенная на основе исследований итальянского лингвиста Альфредо Тромбетти начала XX века, объединяет несколько языковых семей и изолированных языков Европы, Евразии и Северной Америки. Предполагается, что прародиной носителей сино-кавказской семьи языков был иранский Загрос, севернее Плодородного

полумесяца. В ней принято объединять кавказские языки: адыго-абхазскую, нахско-дагестанскую и картвельскую (южнокавказскую) ветви, изолированные языки басков в Испании, бурушаски на границе Пакистана с Афганистаном, кетов бассейна сибирской реки Енисей, сино-тибетские языки Китая и Гималаев и языки индейцев северо-запада Америки.

В 1947 году советский лингвист-кавказовед Николай Яковлев установил, что чукотский язык имеет некоторые общие черты с кавказскими (адыгскими) и индейскими (кечуа) языками. Спустя два десятилетия другой советский лингвист и этнограф Андрей Дульзон указал на сходство кетского языка с языками индейцев Америки, а также с баскским, бурушаски и с кавказскими (черкесскими) языками. Видный американский антрополог, лингвист Франц Боас также считал, что в прошлом имела место непрерывная цепь родственных народностей от палеоазиатов до тихоокеанских индейцев.

Теория о родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков с образованием северокавказской семьи была поддержана выходом северокавказского этимологического словаря. В археологии её подкрепляют исследования ареала распространения обряда воздушного погребения, выполненные старшим научным сотрудником Группы Средней Азии Института этнологии и антропологии РАН Георгием Ситнянским, в которых автор пришёл к выводу о значительном совпадении списка народов, практиковавших этот обряд, и народов, включаемых в сино-кавказскую макросемью языков.

Сино-кавказская гипотеза не принимается большинством учёных и имеет довольно много противников в современной исторической лингвистике, особенно зарубежной. Среди основных недостатков гипотезы критики отмечают многочисленные натяжки в фонетических реконструкциях, использование метода массового лексического сравнения, полную оторванность от данных материальной культуры, в отличие от других семей и реконструируемых макросемей, где археологические и генетические данные используются всё чаще. Объединение отвергается большинством лингвистов, но пользуется широкой популярностью среди сторонников народной истории. Среди лингвистов, активно занимающихся этой проблематикой, можно указать Джона Бенгтсона, Мерритта Рулена и Виталия Шеворошкина.

Последние исследования Алексея Касьяна показали, что хаттский и адыго-абхазские языки, скорее всего, имеют общего предка, но не являются прямыми родственниками, поскольку сформировались и существовали одновременно. Вероятно, их ближайшими родственниками были языки первых жителей Европы в каменном веке. Эта теория подтверждается данными этногенетики и палеогенетики на основе генетических баз народов Кавказа и древней Европы, собранных в последние годы. Генетические маркеры первичного населения Европы совпадают с маркерами западных черкесов, в генетическом коде которых аллель G2A2 присутствует более всего у причерноморских черкесов.

Многие тайны культуры и языка черкесов хранит в себе топонимика региона их исторического проживания. Основная часть черкесских топонимических терминов хорошо сохранилась в названиях малых и средних географических объектов и может быть расшифрована с той или иной степенью достоверности. Исключения составляют крупные топонимические объекты, например реки Лаба и Кубань, имеющие явно не черкесское происхождение либо относящиеся к очень древнему периоду истории адыго-абхазского языка. Эту особенность черкесской топонимики отметил в советское время Джамалдин Коков в одном из лучших научных трудов по черкесской топонимике «Адыгская (черкесская) топонимия».

Особенностью названий малых и микротопонимов является очень чёткая передача их значений на черкесском языке. Как правило, это места проживания тех или иных семей (например, Мугутам, Коблетам и так далее, то есть «место Мугу», «место Коблевых»). Отдельные места сохранили родовые имена, которые ныне не встречаются в Краснодарском крае, но присутствуют в зарубежной черкесской диаспоре или в северокавказских черкесских республиках России. Хорошо сохраняются в топонимике особенности ландшафта (например, Хатлапе –

«собачья лапа») или флоры и фауны (например, хребет Котх – дословно «кабаний хребет»). К редким внешним названиям относят ущелье Бакан недалеко от современного порта Новороссийск, по одной из версий связанное с именем Бакана – то ли аварского, то ли болгарского вождя, согласно фольклорным данным, погибшего в битве в раннем Средневековье. В то же время топоним имеет и родовую версию дешифровки через вариант «Бэчкъан» – имя одного из натухайских черкесских родов этих мест. Часть топонимов имеет религиозное традиционное происхождение. Например, мыс Кодош около Туапсе, который связан с культом хранителя моря Кодеса. Этим словом ещё в XIX веке черкесы обозначали священные рощи, в которых они проводили обряды. Около посёлка Большой Кичмай есть небольшой район Ахинтам – дословно «место Ахына», мифического покровителя домашнего скота. Существует фольклорная легенда о его гибели на этом месте.

Особенностью названий средних топонимических объектов является множество вариаций их перевода. Связано это с искажением наименований при переводе их на русский язык, более простой по структуре и неспособный отразить многие звуки черкесского языка. После исчезновения черкесского населения в 1860-е годы, большая часть территории юга будущего Краснодарского края была заселена новыми поселенцами, не владевшими черкесским языком. Они трансформировали сложные для них названия на свой лад. В таком виде топонимы были зафиксированы органами государственной власти в качестве официальных наименований. Например, селение-микрорайон Чемитоквадже в Лазаревском микрорайоне города Сочи на черкесском языке звучит как «Цурмытыкъуаджэ» и обозначает бывшее родовое поселение черкесского рода Чермит. Как правило, такие названия несут за собой родовое имя семьи, которая проживала на этой местности до выселения. Такое деление сохраняется и в современных аулах черкесов в виде деления на кварталы, где проживают представители разных фамилий. Примером искажения черкесских топонимов русскоязычными чиновниками служат река Псезуапсе в Лазаревском районе города Сочи, производная от «Псыш1уапэ». Самый яркий пример – топоним «Къожау» (дословно «тенистая балка»), который сначала превратился в документах в «Къожэкъо» (черкесское «кожжох» дословно означает «кабанья балка»), а позже в известный горный курорт Хаджох, то есть черкесское «Хаъаджыкъо» в новом значении «Сын Хаджи» и с новой легендой о дороге в хадж, святом путешествии в Мекку через это ущелье.

Далеко не всегда удаётся однозначно установить перевод даже общеизвестных наименований. Например, река Псекупс, несмотря на свою простую составляющую, до сих пор вызывает споры в отношении дешифровки её названия. «Псе» – типичный черкесский термин для обозначения водных географических объектов, который обозначает «вода». Споры вызывает именно вторая часть слова, которая в разных вариантах может обозначать «голубой цвет», «песок» или «перевал» в зависимости от звукового отражения. Полному переименованию подверглось незначительное число топонимов и только в позднее время. Связано это в основном с отсутствием точного знания о том или ином названии, либо с событиями/людьми второй половины XIX – начала XX века. Часть объектов прибрежной местности получили имена владельцев земель в XIX веке, их арендаторов. Схожим образом горы и холмы, находившиеся на передовой боевых действий в 1941—1942 годах, получили имена героев Великой Отечественной войны, сражавшихся или погибших в тех местах. Некоторые объекты были переименованы именно ввиду сложности произношения на русском языке. Например, река Белая в черкесском языке именуется «Шхагуащэ», что можно перевести, как «княжна» (дословно «большая дева»), но этот термин не прижился в официальном наименовании.

Споры вызывают топонимические имена некоторых известных мест, таких как курортный город Геленджик, бывший торговый пост Османской империи. Официальным переводом слова «геленджик» со староосманского языка считается термин «невесточка». Ему соответствует легенда о работоторговле в бухте в османские времена до 1829 года. Черкесы называют его

«Хулыжий» (по-черкесски «маленькое пастбище»), в связи с чем и возникают споры. Последователи теории черкесского наименования считают слово «геленджик» производным по созвучию от черкесского «хулыжий». При этом подтвердить или опровергнуть эту теорию довольно сложно. Исторические документы говорят о существовании в османский период обоих наименований на территории Геленджикской бухты. Османский торговый пост назывался Геленчик, что также можно перевести, и как «маковый» (в долине и правда красиво цветут маки), но стоял он на небольшой речке Хулыжий, выше по течению которой находился одноимённый черкесский аул. Серьёзного анализа возможности адаптации в староосманский язык черкесского слова «хулыжий» в науке не проводилось.

Аналогичного рода споры происходят вокруг названия курортного города Анапа. В черкесской научной и общественной среде утвердилось мнение о дешифровке топонима «Анапа» через черкесское «Ианэ» – стол и «пэ» – нос, край. То есть «край стола». Эта версия подкрепляется тем, что черкесский традиционный стол имеет круглую форму, похожую на географию каменистого выступа, на котором расположен город Анапа. К тому же, по историческим данным, территория Анапы управлялась в Средние века черкесскими владельцами и только в конце XVIII века стала активно использоваться Османской империей, которая платила черкесам своего рода плату за спокойствие. Существует и иная версия, предложенная черкесским историком Самиром Хотко, о переходе в черкесский язык сокращённого итальянского названия Мапа (Мара – *Marogium*), которое использовалась генуэзцами в XIII—XIV веках для обозначения своей торговой фактории в Анапе. Черкесский термин просто возник по созвучию с ним. В качестве конкурента этой версии выступает греческая теория, связанная с древнегреческой и ранней средневековой историей города. В таком виде Анапа предстаёт как производная от греческого «Айя-Напа», аналог которому есть на Восточном Кипре и который переводится как «священный лес». Проблема этого слова в том, что в греческой истории город никогда не был известен как Айя-Напа. В античные и ранние средневековые времена он носил название Горгиппия или Синдская гавань.

Комплексной работы по собиранию, анализу и дешифровке черкесских топонимов Краснодарского края хотя бы на уровне советского периода сегодня не ведётся. Наиболее полными считаются издания «Адыгская (черкесская) топонимия» Джамалдина Кокова и «Адыгейский топонимический словарь» Касима Меретукова. Последний включает в себя исчезнувшую топонимику зоны затопления Краснодарского водохранилища. Эти словари включали в себя данные по топонимике черкесских республик Северного Кавказа и Краснодарского края вне зависимости от административных границ. Более современные топонимические издания ограничиваются строго определённой топонимической территорией, что приводит к выпадению изучаемого вопроса из общей картины ареала исторического проживания черкесов и не учитывает возможную миграцию терминов. Многие из них представляют собой компиляции из предыдущих изданий и редко несут в себе новизну.

Сегодня из-за удобства общения многие черкесы в быту говорят исключительно на государственном языке. В России на русском, в Турции на турецком и так далее, так что явление это повсеместное, а не внутрироссийское. Процессы глобализации лишь усилили его негативный эффект. Молодёжь уезжает в города, где знание родного языка оказывается не востребуемым. И даже в аулах дети и подростки до 16—20 лет смотрят мультфильмы и читают книги на государственном языке, что приводит к дискомфорту при общении. Они попросту стесняются говорить на черкесском языке, которым плохо владеют. Отдельные частные курсы и школьные уроки родного языка помогают разрешить эту проблему, но они явно не решают вопрос с мотивацией. Её недостаточно для качественного владения черкесским языком, даже в Республике Адыгее, где родной язык так или иначе используется в государственной сфере. В аулах причерноморских черкесов язык в обязательном порядке изучается лишь в нескольких школах района Большого Сочи. В остальных аулах курсы носят факультативный характер

и изучаются на базе домов культуры 1—2 раза в неделю при материальной поддержке местных некоммерческих организаций, работающих по грантовой системе.

К счастью, среди причерноморских черкесов остались ещё активные люди, в том числе из молодого поколения, которые увлечены историей и культурой своего народа, и благодаря им сегодня удаётся сохранить память старшего поколения и черкесский язык. Многие из них делились интересными материалами во время проведения экспедиции.

Яркие флаги жизни

Ранним утром в ауле шумно. Все собрались возле дома одной семьи. Молодые мужчины и даже некоторые старцы в традиционных черкесках вооружились длинными палками и охраняют проход к дверям дома, в котором слышны весёлые голоса женщин. Грозное воинство улыбается, шутит, смеётся – ни намёка на агрессию. С дальней стороны улицы появляется группа всадников тоже в шутиливом настроении. На небольшом расстоянии от дома всадники внезапно расходятся – часть обходит вокруг дома, другая часть целенаправленно идёт ко входу. И тут начинается настоящая битва. Пешие мужчины бьют всадников палками с отчаянным рвением, лишь только голова и ноги лошади не попадают под их удары – нельзя. Всадники отчаянно прорываются, хлещут пеших кнутами, сбивают с ног лошадьми, отталкивают от входа. Вдруг с чёрного хода один из всадников прорывается в дом прямо на коне. Он долго крутится по комнате и потом с шумом вылетает наружу под градом палочных ударов. В руках у него яркий флаг, составленный из нанизанного на ветки фундука, перевязанный яркими лентами.

У входа продолжается бой, и кажется, будто пешие и всадники начнут убивать друг друга, в такой боевой раж они вошли. Но тут грозный оклик старейшины останавливает бой. Всё кончено, всадники победили. Им удалось выкрасть из дома жениха один из специальных подарков, ради которых устраивают многочисленные свадебные соревнования. Праздник продолжается.

Такую сцену любой из вас мог бы наблюдать в причерноморских черкесских аулах ещё в начале XX века. Её смысл сводился к имитации боевой игры – типичной для военизированного черкесского общества. В таких играх закреплялись мужские навыки борьбы, которые должны были неустанно развивать молодые люди. Свадьбы оказывались удобными поводами для тренировки физических и этических навыков, выступая своего рода социальными школами для молодёжи. Вообще, свадьба в традиционном черкесском обществе занимает ключевое значение. Все основные понятия жизни в социуме определяются правилами проведения свадьбы и дальнейшего соблюдения отношений между мужем, женой и их многочисленными родственниками. В черкесской семье нет понятий двоюродных, троюродных и других неполнокровных родственников – они все считаются близкими.

Девушки имели право выбрать жениха самостоятельно. Главное правило, которое соблюдается и по сей день, – не выходить замуж за представителя своей фамилии. Ввиду малочисленности причерноморских черкесов это правило сегодня тщательно соблюдается. Молодые должны убедиться, что минимум до седьмого колена у них нет общих родственников. Семейные предания сохраняются хорошо, потому большинству несложно произвести такие вычисления в генеалогии. Но даже отсутствие родственников до седьмого колена не спасает от осуждения, если молодожёны окажутся однофамильцами, что встречается сегодня в аулах. К национально смешанным бракам тут ещё недавно относились с предубеждением, но у современного поколения его уже нет. Огромное значение этого правила у причерноморских черкесов заключается в необходимости предотвращать кровосмешение, которое может повлечь за собой вырождение. Ввиду компактности проживания и закрытости их общества в прошлом эта проблема остро стояла на повестке дня. Только открытость и гибкость к межнациональным бракам позволила разрешить проблему в наши дни.

Родовая структура семей причерноморских черкесов имеет ещё одну особенность. Дома в аулах группируются по семейным кварталам – улица Ачмизовых, урочище Хагуровых и так далее. Сегодня эти кварталы уже не представляют собой исключительно территорию поселения одной семьи, но названия сохранились. Например, аул Хаджико всегда делился на части (верхняя Асарэтх, нижняя Мезмай), связанные с поселением в них семей, вернувшихся из ссылки в Асретхабль (станция Даховская), урочище Мезмай, аул Шабанохабль и аул Хаджимукохабль (на его месте сегодня станция Дондуковская в Адыгее). По именам мест, откуда в 1882 году

вернулись в Хаджико эти семьи и получили имена улицы. В Асарэтхе шутят над Мезмаем, что они большие сони, а те в ответ называют жителей Асарэтха никогда не спящими.

Однако не следует путать понятие «род» в черкесском обществе с популярным в науке термином «линидж», который в советской науке понимался как «клан» или «патронимия». Сама по себе патронимия в частных случаях была известна черкесскому обществу (князь – оруженосец, родовые союзы, почитавшие определённых духов), но сегодня черкесские фамилии объединены лишь условным родством, и по-настоящему построены, как и в целом в России, на основе классической семейной ячейки с ближайшими родственниками.

Наиболее распространённые фамилии относятся к числу тех родов, которые либо изначально были крупными, либо в большинстве своём остались на родине. Очень распространена фамилия Шхалаховых (вариант Схалахо). Шхалаховы помогали нам в экспедиции установить контакты в ауле Псебе, Шхалаховы встречаются в исторических воспоминаниях собеседников, Аскер Шхалахов – министр по делам национальностей Республики Адыгеи. Этот список можно продолжать очень долго, поскольку Шхалаховы сегодня один из самых разветвлённых черкесско-шапсугских родов. Количество их семейных ветвей достигает нескольких сотен, и большинство из них время от времени встречаются вместе в прибрежных аулах на празднике своего рода.

Встречаются и совсем редкие фамилии, например Уджуху или Уси. Многие урочища в окрестностях аулов сохранили в своих названиях имена тех родов, которые проживали в этих местах до Кавказской войны. Например, в окрестностях аула Хаджико сохранились топонимические названия, привязанные к фамилиям, которых уже не осталось: Хунаговы (Хуноготх), Чоховы (Чохтам), Мишевы (Мишехекух). Далеко не все фамилии сегодня известны. Бывший глава аула Тхагапш, Аис Тлиф, рассказывал нам историю о том, как несколько лет назад приезжали туристами из Турции черкесы-шапсуги из диаспоры. В ауле их встретил глава и повёл по центральной улице с рассказом о местной жизни. К нему подошёл один старик из группы и спросил, как называется небольшой хребет, нависающий с южной стороны над аулом, и урочище на нём. После получения ответа он удовлетворённо кивнул и рассказал историю своей семьи. Оказалось, что название забытого урочища на хребте образованно от их фамилии, не встречающейся сегодня в России. Прадед рассказчика поведал ему о том, что они жили здесь, и даже дал точное описание места, которое совпало с реальностью. Важными метками на месте оказались старинный дуб и камень рядом с ним.

Такого рода истории часто встречаются на побережье, и у них есть ещё одна интересная сторона. С середины 80-х годов, когда общение с заграницей стало проще, в местной прессе начали появляться загадочные истории. Местные жители обнаруживали около аулов или в лесу глубокие ямы, вырытые около старинных деревьев, скал или крупных камней. Вскоре появилась и отгадка. В конце Кавказской войны, во время исхода черкесского населения, многие владельцы имущества, в надежде когда-нибудь вернуться в родные края, закапывали его в приметных местах. Спустя годы составленные ими карты сокровищ начали всплывать в семьях диаспоры. Иногда родственники приезжали за кладом сами, но бывало, что карту просто продавали авантюристам. Эти товарищи создавали поводы для занимательных историй об обмане, коварстве и внезапно разбогатевших родственниках. Кстати, подобного рода ямы кладоискателей находят до сих пор. Во время экспедиции о таких случаях дважды упоминали в местной прессе всего за один месяц. Рассказывали про некоего старика-скрягу, который нашёл клад, некоторое время гулял на него, а потом резко остепенился. Родственники посчитали, что он далеко не всё потратил, а всего лишь спрятал добро от греха подальше, но найти клад не смогли. И только после смерти старика, когда наследники начали ремонт родового дома, под крышей они обнаружили тот самый клад.

Плюсом открытия границ в 90-е годы стала не только возможность поиска кладов, но и восстановление семейных связей, оборванных несколько поколений назад. Примеча-

тельно, что благодаря этой возможности из небытия вернулись убыхи, деды которых потеряли свой язык и культуру, скрываясь от российских властей в абхазских и черкесских семьях. Яркий пример тому Халид Ушхо из аула Хаджико. Семейство Ушхо свои убыхские корни открыли только в 1990-е годы благодаря чистому случаю. Халид заметил на карте в администрации Сочи, где работал, реку Ушхо в горах. Интерес к её названию привёл его к своим убыхским корням, а позже и родственники в Турции нашлись. В отличие от Ушхо, семья Черен из того же аула считалась убыхской всегда. Их засвидетельствовал в 1930-е годы этнограф Леонид Лавров. К сожалению, суровые годы сталинских репрессий кровавым молотом прошли по этой семье, так что сегодня родовая линия рода Черен замкнулась на женской линии и вскоре исчезнет.

Ещё одной редкой родовой ветвью причерноморских черкесов считается обширный род Гоайе. До Кавказской войны этот род особенно выделялся среди прибрежных общин. Его ядро находилось в долине реки Псезуапсе, где сегодня расположились посёлки Алексеевка (изначально переселенческий хутор Гвай, от Гоайе), Марьино и Татьяновка – на пути из посёлка Лазаревского в аул Тхагапш. По рассказам потомков этого рода, после Кавказской войны детей рода Гоайе приютили Шхалаховы и дали им свою фамилию. Современные потомки помнят происхождение рода и в разговоре подчёркнуто выделяют этот факт. История с приёмными детьми, получившими фамилию, достаточно распространена в черкесской среде. Самой популярной приёмной фамилией после Шхалаховых считается Ачмиз или Ачмизовы. В народе ходит присказка, которая звучит примерно как «Ачмизов родства не помнит», соответствующее русскому «Иван, родства не помнящий», только без негативного контекста. Имеется ввиду, что Ачмизов – это как русское Иванов, частая фамилия у приёмных детей и сирот, которых этот обширный род принял за всю свою историю.

Обширные фамилии часто играют в аулах свадьбы. Средний возраст выхода замуж для девушек даже в традиционные времена прошлого равнялся 20 годам. Для мужчин раньше 25—30 лет свадьба была вовсе противопоказана. Считалось, что только к этому возрасту люди достигают достаточного умственного и эмоционального развития для создания семьи и ответственного к ней отношения. Молодые люди знакомились, общались, после чего жених приходил в дом девушки, где они обменивались залогом, и девушка называла ему дату. Тут, правда, бывали нюансы. Девушка могла и отозвать обещание – перебирала женихов. Родители лишь следили, чтобы её не украли. Такие кражи могли приводить к кровавым стычкам, если воров догоняли представители семьи невесты.

Случаи кражи были обычным явлением до 1930-х годов, пока советская власть не взялась за борьбу с калымом (платой за невесту) и кражами невест. Обычно крали в случаях отказа невесты и/или упорного нежелания родителей выдавать невесту за конкретного жениха. Но самой главной причиной была экономическая – неспособность уплатить калым за невесту. Например, в конце XIX века сумма калыма за девушку дворянского происхождения составляла примерно 1 650 000 рублей по курсу рубля на 2020 год, за свободную крестьянку от 470 000 до 650 000 рублей. К революции средняя сумма дотянулась почти до 900 000 рублей, из которых половина уходила родителям невесты, а вторая половина сохранялась, как страховка на случай развода или вдовства. Выплачивали её в основном скотом, 7—9 голов крупного скота, или меньше, но с включением коня. Как правило, калым собирали всей огромной семьёй, иначе род покрывался позором. Сегодня этот обряд сохранил лишь внешнюю форму: невесту «крадут» по договорённости, играют в кражу.

Чуть выше я упоминал, что девушка могла выбрать парня самостоятельно. В современном обществе на этот выбор может повлиять что угодно, а вот раньше к этому подходили более конкретно. Знатный жених должен быть сильным, мужественным, самостоятельным, уметь хорошо говорить, уважать старших, а главное – быть храбрым и достаточно обеспеченным, чтобы оплатить калым за невесту. И если калым в основном интересовал родителей молодого

жёнов, то храбрость оказывалась решающей для девушки. Была даже такая поговорка: «Какой ты жених, если даже корову украсть не можешь». Это был прямой намёк на то, что парень, ни разу не проявивший своей храбрости в набеге, признаётся трусом, недостойным руки честной и порядочной девушки. Необходимость выплаты калыма служила лишним мотиватором для проявления храбрости. В прошлом это решалось длительным набегом в первый месяц супружеской жизни, сегодня же просто работой с пребыванием в доме родителей.

С другой стороны, парень выбирал девушку по принципу пользы в хозяйстве. Она должна быть надёжной и ответственной хозяйкой, растить детей, следить за домом, помогать мужу и уметь вышивать.

Рукоделие считалось, а кое-где и сегодня считается, показателем порядочной и достойной невесты. Особое место в нём занимало шитьё узоров золотой и серебряной нитью «дыше-идэ», которое хорошо изучено и опубликовано в книгах исследователем этого народного ремесла Мадиной Иваноковой. Традиция такого шитья древняя и впервые упоминается у арабского путешественника аль-Масуди в X веке. В золотом шитье черкесов преобладает преимущественно растительный орнамент: стилизованные изображения деревьев и их отдельных частей, а также листьев и цветов. Эти орнаменты имеют старинное происхождение и связаны с существовавшими у причерноморских черкесов культами священных деревьев и рощ. Особенной чертой черкесского стиля украшений были минимализм и лаконичность стиля. В вышивке использовали геометрические фигуры, стилизованные изображения животных, человека, но более всего предпочитали растительную символику. Узоры оформляли чернением на оружии, тонкими небольшими вышивками на одежде. В черкесском понимании яркость, пышность, кичливость, цветастость считались признаками плохого вкуса. Раньше для вышивки использовали металлические и деревянные (из самшита) инструменты и ткацкий станок. Самшитовыми были даже иглы и ножи – уж очень ценят черкесы обеззараживающий эффект этого редкого нынче дерева.

Сегодня золотые и серебряные нити уже не используются – дорого. Их заменили шёлковые нити соответствующего цвета, но культура золотого шитья жива и очень популярна у черкесских девушек, не страдающих от дефицита женихов.

Черкесские учёные отмечают наличие цветовой гаммы в одежде предков черкесов: белую ткань у княжеских фамилий, ярко-красную и фиолетовую у остальных, а у простого народа чаще всего коричневую. Такое распределение цветов сохранялось до XX века. Белый цвет считался цветом высшей власти, даже белые перья на стрелах могли носить только князья. В стандартный набор мужской одежды входили штаны с рубахой или кафтаном (бешмет, архалука) и черкеска с газырями. В них хранились готовые патроны и необходимый в пути инструмент: бритва, трут, кремь, сушёный пищевой порошок на крайний случай, жирница. На ногах сапоги («вакьэ») из мягкой кожи, которые натягивались на ступни, как носки. Красного цвета княжеские, жёлтые для знати, остальные были из простой кожи тёмных цветов. Сверху накидывали бурку из грубой овечьей шерсти, на которой можно было спать и которой укрывались от дождя, как плащ-палаткой. Иногда на голову надевали шапку, набитую ватой, или папаху, обшитую галуном. Сверху на шапку накидывался башлык для защиты от дождя, ветра и солнца. В ранние эпохи роль мужской одежды была более универсальной, она зачастую включала в себя и экипировку воина.

Девушки носили кафтан красного или фиолетового цвета с золотой, серебряной или смешанной узорной вышивкой и широким драгоценным поясом на талии. В набор входило само платье («сай»), с серебряным красивым нагрудником, кафтанчик («кэч») и небольшая круглая шапочка. На ногах широкие шаровары и чуваки. Конечно, такие костюмы могли себе позволить только обеспеченные слои общества, но и более бедные люди носили похожую одежду, просто худшего качества, более грубую и менее яркую.

У женщин причерноморских черкесов были распространены также сафьяны и платья свободного покроя, с украшениями из монет, в том числе на шапочке, больше похожие на одежду турецких женщин. Сказывалось влияние Османской империи.

Но вернёмся к свадьбам. Современные причерноморские черкесы редко празднуют традиционные свадьбы. Во-первых, это дорогое удовольствие, начиная от костюмов, заканчивая угощением для огромного количества гостей. Во-вторых, настоящих знатоков традиций осталось очень мало, как и профессиональных музыкантов. Советская эпоха научила среднее поколение относиться к традиционной культуре без интереса, а иногда даже с презрением, как к деревенской, отсталой. Сегодня многие люди осознают, что отношение такое было ошибочным, но предков с их знаниями уже не вернёшь. Интерес в молодом поколении, по сравнению с людьми среднего возраста, сильнее, и они стараются сохранить знания тех, кто ещё жив, но пробелы в знаниях, восполняемые по книгам и монографиям, далеко не всегда верным, приводят их к искажению традиций.

На первом этапе традиционного свадебного ритуала, подробно описанного в книге историка Тамары Чунтыжевой о свадебных обрядах причерноморских адыгов-шапсугов, после умыкания из родительского дома невесту отвозили в дом жениха с песнями. У входа жених сбегал, соблюдая традицию избегания. Это очень мощная традиция в черкесском обществе, которая сильна и сегодня. И если жених избегает встречи с родителями в течение примерно месяца, то с тещей он может не встретиться никогда, как и невестка с отцом жениха. Впрочем, сегодня допускаются исключения для крайних случаев вроде похорон. Для этого невестке или теще необходимо сделать подарок, чтобы разово встретиться для решения какого-либо семейного вопроса. Иногда это приводит к сложностям, когда мать жениха переезжает вслед за семьёй молодых в другой город, чтобы быть рядом, и для этого ей приходится снимать жильё в соседнем с ними доме. Даже традиционные дома строятся со вторым входом сзади, чтобы родственник мог вовремя уйти от встречи. В случае случайной встречи на улице родственники делают вид, что не знают и даже не видят друг друга. Раньше молодожёны тоже избегали друг друга днём и виделись лишь после заката солнца и до рассвета. Среди причерноморских черкесов считается, что таким образом между ними лучше сохранялись чувства любви и страсти.

Удивительно, но на традиционной черкесской свадьбе молодожёны вовсе не главные персонажи. Всю свадьбу невеста стоит закрытая покрывалом в углу, а жених в это время вообще скрывается у родственников. В первый день в новом доме невесту встречали женщины из семьи жениха, гости осыпали её монетами, конфетами, небольшими пончиками, орехами, символами благополучия и многодетности будущей семьи. Их собирали для себя дети. Эта мелочь называлась лакумами («лэкьумэ»), образ обрядовой пищи. Сегодня так называют небольшие пирожки без начинки или с сыром, которые раздают на праздничных и траурных мероприятиях гостям. Невеста уходила в свою комнату, обустроенную для постоянного проживания без выхода. Как и упоминалось выше, к ней ходили танцевать гости, но сама она из дома выходила только в сопровождении подруги и лишь когда не было шанса встретиться с людьми.

Особую роль играл обычай «тэщерыпэ/тешэрып1э». Молодожёны по совету с родителями выбирали достойную семью, не связанную с ними узами кровного родства. Эта семья должна была принять невесту на небольшое время, как промежуточное место между домом невесты и домом жениха. Члены этой семьи навсегда становилась по отношению к невестке аталыками, то есть вторыми родителями. В такой семье невестка жила не более месяца, а чаще всего 1—3 дня, пока семья жениха не подготовит дом или комнату для молодых. С аталыками невеста общалась свободно, после того как они сделают ей подарок. Обычно в этом доме проводили обряд мусульманского бракосочетания либо сразу в доме жениха. Только после него и урегулирования вопросов с калымом жених мог сблизиться с невестой. Причём обряд считался очень важным – без него люди в браке и рождённые от них дети могли подвергаться ограничениям в обществе как незаконнорождённые. Считается, что проживание в доме аталыка

позволяет молодым избежать легкомысленных эмоциональных поступков и серьёзное относиться к браку.

В первую брачную ночь жених разрезал шнуровку девичьего корсета «пши-кафтан/пшащэ». Такой кафтан незамужние девушки носили с раннего детства, снимая его лишь на ночь. Он обтягивал талию и грудь, под которую в него вставляли мягкие дощечки, поскольку большая грудь считалась у черкесов некрасивой. Такие кафтаны девушки носили ещё в начале XX века, после чего традиция прервалась. У причерноморских черкесов ношение пши-кафтана было менее распространено, чем у соседей. Видимо, тоже турецкое влияние.

Ну и какая свадьба без знатной выпивки? Да, сегодня у черкесов это так, но раньше всё было несколько иначе. Трезвый подход к жизни считался в обществе хорошим примером. Пьяниц недолюбливали и не уважали. Считалось, что любая зависимость делает человека несвободным и бесчестным. Конечно, попробовать разрешалось всё, но в меру. Поэтому и на свадьбах старались исключить чрезмерное употребление алкоголя, а молодожёны вообще избегали его даже в последующие месяцы после свадьбы. Однако алкогольные напитки всё же присутствовали на столе. Для этого специально готовили слабоалкогольный напиток «махсымэ», или «бахсымэ», на обжаренном просе или пророщенных кукурузных зёрнах с добавлением мёда для брожения. Напиток этот известен так же как буза в турецком исполнении. Махсыма обычно прозрачная, немного мутная (есть и версии с густым коричневым напитком в кабардинском варианте) и имеет коварное свойство опьянять, пока ты сидишь и наслаждаешься её вкусом. Стоит только встать из-за стола, и ноги начинают заплетаться, хотя голова остаётся трезвой. По тому же рецепту готовили свежие напитки, похожие на квас, с охлаждающим эффектом, которые начинали бродить на второй – третий день, если их не выпить сразу. Что касается русской водки, то до начала XX века черкесы её применяли разве что в лечебных целях, и лишь в советское время она вошла в обиход как полноценная выпивка. До этого крепкие напитки гнали, как самогон, из зерна или фруктов, наподобие чачи, либо предпочитали вино.

Застолье на традиционной свадьбе причерноморские черкесы стараются по возможности делать на открытом воздухе. Потому их планируют на тёплое время года. Для этого будущий жених или его представитель выходит на чьей-либо свадьбе к народу и объявляет дату следующего торжества. Для свадьбы накрываются столы, которые разделяются по группам. Старшие мужчины сидят отдельно от старших женщин, отдельно от них сидят молодые парни и молодые девушки, также раздельно. Это позволяет всем участникам вести себя более свободно, не сковывая торжество строгими рамками черкесского застольного этикета, и так поддерживался весёлый дух мероприятия. Сегодня люди среднего и молодого поколений уже не исполняют этого обычая и на празднествах сидят все вместе за одним столом. Но и нормы этикета сегодня значительно упростились и более не сковывают своими правилами участников, хотя об этом сокрушаются многие традиционные черкесы, люди старшего поколения.

Также и традиция стрельбы на свадьбах всё ещё изредка встречается среди черкесов. Тут надо понимать, что для черкеса стрельба в честь кого-либо, а особенно молодожёнов, означает признак уважения к человеку. Чем больше выстрелов – тем больше уважения. Понятно, что нормы современного мира ограничивают такое выражение чести нормами административного права, но мы должны понимать, что это символ высокого этикета, а не признак бескультурья, как сегодня считают некоторые люди в России. В своей сути оно ничем не отличается от ликорадного группового гудения сигналов автомобилей свадебных кортежей в наше время. Традицию стрельбы в воздух, как бой пеших с всадниками и калым, прекратило советское государство, боровшееся с проявлениями жёстких традиционных обрядов. В 1930-е годы у черкесов в массовом порядке изымали оружие и скот, что привело к отмиранию обряда. В 1950-е годы в советской прессе на этот счёт появилась примечательная история, ставшая мемом. В газетах писали об излишне эмоциональном пастухе из Адыгеи, которого в суде оправдали за стрельбу

в воздух из служебного оружия по смягчающим обстоятельствам, поскольку он праздновал рождение сына.

На праздники готовятся специальные лепёшки и пирожки из кукурузы, либо из проса для культовых обрядов – «матаз» с сыром внутри и «харэп» пустые. В случае, если при готовке невестка пробовала с ложки готовность блюда или если перед свадьбой намечался дождь, проводили специальный обряд. Говорили, что «невеста лопаточку кусала, поэтому из-за неё дождь идёт», намекая, что она нарушила запрет на пробу еды с лопатки в новом доме, чем разгневала природу. Для завершения обряда золовка выводила невестку на задний двор, сама становилась с передней его стороны, и они кидали друг другу лопатку через крышу дома трижды. Обряд нёс и воспитательную функцию, через которую невестка училась исправлять свои ошибки по совету родственников.

К ещё одной ритуальной теме относится свадебная молитва. Обычно для неё выбирают грамотного мужчину, владеющего ораторским искусством, хорошо знакомого с традициями или Кораном в зависимости от религиозных предпочтений семьи. В правую руку он берёт чашку с варениками-халыжу, а в левую кружку алкогольной махсымы. Так он совершает молитву, после которой берёт себе три лепёшки для угощения мужчин из гостей, отпивает махсыму и уходит. Остальное доедают и допивают присутствующие.

Соблюдают также ритуал снятия с невесты платка родственницей, распространённый и сегодня. Для этого используется металлический нож, которым платок поддевают и после вешают на дверь. Железные предметы и кузни очень почитаются в причерноморском черкесском обществе и связаны с образом небесного кузнеца Тлепша. В прошлом в кузни приносили новорождённых младенцев, которых обмывали водой из чанов, служащих для остужения раскалённого металла. Целительной силой обладали кузнецы. Если у женщины часто умирали дети, то её беременной приводили к кузнецу и обливали использованной для закалки железа водой, смешанной с углём в сопровождении молитв. Металлические предметы (ножик – мужчинам, и ножницы – женщинам) иногда кладут в могилу. Считается, что так дух умершего будет защищён от тёмных сил. В местах исполнения народных ритуалов подвешивают плуг и кузнечный молот, как символы благополучия. Такой символ сегодня можно увидеть в ауле Большой Кичмай у памятника погибшим в Кавказскую и Великую Отечественную войны.

Корни этого ритуала уходят в глубокую древность. В районах проживания причерноморских черкесов учёные нашли немало примитивных древних кузнечных мест в виде каменных расколов с формами для литья. Они относятся к эпохе строительства дольменов от 4 до 5 тысяч лет назад. Рядом с такими местами находят «тлепшиевы могилы» – курганы, в которых хоронили кузнецов. Их отличает обилие насыпанного сверху кузнечного шлака – смеси окислившегося железа и глины. Как правило, недалеко от них, рядом с ручьями и дольменами, находят остатки древних кузен. Кузнецы той далёкой эпохи использовали сидерит для выплавки из стружки примитивных железных пластинок, предназначенных для ритуальных целей. В те далёкие времена кузнецы умели плавить лишь примитивные ритуальные плашки посредственного качества, которые использовали при ритуальных захоронениях в дольменах. Примером старины этой традиции являются названия реки Аше и аула Кичмай в Лазаревском районе города Сочи. По одной из версий, река Аше может быть переведена с черкесского языка как «оружие» («Іэщэ»). Аул Большой Кичмай находится сегодня в восьми километрах от моря выше по течению реки Шахе. Он принял старое название, которое также сохранилось в названии реки, впадающей в реку Шахе выше в горах на месте существовавшего до Кавказской войны аула Кичмай и переселенческого посёлка на рубеже XIX—XX веков. Его название можно перевести как «старая кузня» или «запах кузни» («кыщмаэ»). Долины рек Аше и Шахе и сегодня изобилуют археологическими находками кузнечных инструментов и наковален разных эпох. Исторические документы сохранили многочисленные свидетельства присутствия в этих местах мастеров кузнечного дела, которое было очень развито среди горных черке-

сов, хотя и производили они продукцию низкого качества. Изучение археологических находок в долинах этих рек наводит на мысли о намного более древней истории местных «кузнечных» топонимов. К сожалению, этот вопрос сегодня крайне слабо освещён в науке, но можно уже сейчас с уверенностью связать «кузнечные» названия рек с древнейшим периодом истории региона.

Большим символизмом обладает раздача свадебным гостям разноцветных ниток, которые выражают глубокую семейную связь новобрачных. Невеста не брала с собой новую одежду в дом, её позже пересылали ей родители, но носить её она не могла. Одежду раздавали всем желающим, иначе судьба молодой жены могла плохо сложиться. В ответ на подарки родственники шили невестке новую одежду. Сегодня этот обряд заменила раздача подарков в виде отрезов сукна для платья.

Ещё один сюжет черкесской свадьбы сохранился по сей день. Он называется «ньюе-жьэжь» и представляет собой забавный импровизированный спектакль. Как только невеста заходит в комнату свекрови в сопровождении шествия музыкантов, её мать, старуха, выходит из дома сама или при поддержке гостей. Снаружи она заявляет о том, что внук женился, и невестка выгоняет её из дома, после чего женщину осыпают деньгами и конфетами. Родственники должны уговаривать старуху вернуться, а она сопротивляется. По пути она стреляет в воздух из лука и только на третий выстрел мать даёт себя уговорить и возвращается в дом, получая подарок. Конфеты и деньги сегодня кладут в специальную корзину, которую старушка держит за спиной, как сумку. В прошлом, для драматичности, старуха одевалась в обноски, вывернутую наизнанку одежду. С собой она брала полный домашний набор – котелок с цепью, как главный и священный символ рода, циновку, предметы быта, запас пищи и воды.

Перед этим ритуалом невеста входит в новый дом. У порога для неё стелют ткань или циновку, на которую она должна наступить. Плетение циновок в черкесском обществе традиция распространённая. Их особенность в уникальных узорах, которые редко бывают одинаковыми, как и на восточных коврах. Существует некоторое заблуждение, будто черкесы плетут циновки исключительно для проведения на них намаза – мусульманской молитвы. Такую версию мне приходилось слышать в государственных музеях. Не будем спорить, на такой циновке можно провести и намаз, но учитывая весьма скромное влияние мусульманской религии на быт обычного причерноморского черкеса, который никогда не делает намаз, можно смело сказать, что это скорее дополнительная функция. Циновка заменяет в доме ковры и подстилки, на ней отдыхают, по ней ходят, ею украшают стены. Несколько десятков лет назад искусство плетения циновок было в забвении. Во многом благодаря уже упомянутому выше мастеру Замудину Гучеву, воскресившему искусство игры на шичепшине, циновки также вернулись в черкесскую культуру. Одновременно с разработкой материалов по музыкальному инструменту, Замудин смастерил ткацкий станок и на нём создавал циновки, а после также написал об этом искусстве несколько качественных книг. Сегодня Гучев является признанным мастером плетения циновок и даже участвует в совместных форумах в Японии, где это искусство также популярно, с целью обмена межкультурным опытом.

Организацию проведения любого праздника, включая свадьбу, в черкесском обществе доверяют хатяко – уважаемым людям с выдающимися ораторскими способностями, о которых я уже писал ранее в абзацах про бардов-джегуако. Хатяко регулируют действия участников праздника с помощью специального жезла. На свадьбах похожие жезлы раздают как призы для гостей, чтобы подчеркнуть их особый статус. Они делаются на деревянной основе и украшаются фундуком и лоскутами из ткани. Особый жезл имеется только у распорядителя и является знаком его статуса на игрище.

Самыми ценными подарками для гостей считаются фундучные флаги («дэжьые быракъ») из узоров на основе вплетённых в линии 400 орехов. Флаги преподносятся в качестве подарков лучшим танцорам, а самым почётным считается массивный жезл длиной в 1,2 метра, в который

вплетено 1500 орехов. Такой используют на свадьбах для заключительного танца. Орехи в нём оплетены кольцами вокруг палки, где самый верхний ярус больше остальных. Над рукояткой жезла устанавливают для красоты деревянного орла или ястреба, либо вплетают красный или зелёный флажок. Такой жезл вручается девушке, получившей почётный титул первой красавицы черкесского игрища. Вершина его напоминает по форме женскую шапочку. Иногда жезл делается ещё круче – в 7 ярусов на 2500 орехов. Он называется «удж бэщ» – ритуальный жезл предводителя «удж-хъурая», свадебного танца. Это сооружение древовидной формы, расширяющееся книзу, сделанное из гирлянд фундука и грецкого ореха. Избранный предводителем заключительного свадебного танца мужчина выходит в пару с избранной красавицей, держа такой жезл в руке.

На свадьбе такие призы раздаются десятками, потому семьи объединяются заранее, чтобы заготовить их впрок. Помогают им соседи. Флаги выносят перед заключительным танцем по распоряжению хозяина свадьбы («джэгу тхъэмат»). Их дарят самым почётным гостям, которых отбирают заранее родственники хозяина свадьбы и он сам. В первую очередь их получают гости из дальних мест, молодёжь, старейшины своего аула. Раньше за гостя получал подарок его друг или хозяин дома, где он остановился. Пожилым людям хатяко вручает приз сам. До 1930-х годов именно эти флаги пытались выкрасть всадники в битве с пешими, описанной в начале этой главы.

В те годы скаковые игры были ключевым событием любой причерноморской черкесской свадьбы. Самой популярной среди них считалась стрельба по флагу. Мишенью обычно служил белый флаг на крыше дома хозяев праздника. Всадники собирались напротив дома и старались выстрелом сбить древко. Победитель получал свадебный флаг. В советское время флаги над домами поменяли цвет с белого на красный и стрелять по ним стало опасным политическим делом, так что смысл соревнования оказался потерян, и оно исчезло. Однако им одним игры не ограничивались. Стреляли на скачущей лошади по деревяшке с чёрной точкой, а иногда даже и в полотняный флаг в руках девушки, если хватало смелости. Всадники мчались по полю на великолепно украшенных лошадях в кожаных лентах с серебром. Соревновались в джигитовке – ловкости, пытаясь на ходу спрыгнуть с лошади или перегнуться и схватить монету в 25 копеек с коробка.

Ещё одним популярным состязанием на свадьбах была игра со знаменем «шыу джэгу», когда всадники гонялись друг за другом, отбирая ведущее знамя. Своего рода догонялки на лошадях. Знамя, которое удавалось украсть из свадебного дома, пробившись через пешую охрану, всадники гоняли так, что разрывали его в клочья, и порой их требовалось останавливать криками старших.

В ауле Агуй-Шапсуг мне довелось познакомиться с молодым шапсугом Хасаном Аллало. Задумчивое лицо Хасана в папаше стало частью фотовыставки, а его семейная история отличным примером для понимания того, какими были эти всадники прошлого. Прадед Хасана – Мус Аллало, из ныне редкой натухайской ветви черкесов. Он умер в возрасте 102 лет! Единственный черкес в русской школе посёлка Агой в начале XX века, он с детства выучил русский язык, а на уроках религии ему выдавали персональный Коран. В советское время Хасан стал председателем реввоенкома Шапсугского района, за что попал в ссылку и трижды пересылался – на Беломорканал, в Новокузнецк и в Казахстан (с семьёй в 1942 году). Об этом он не любил рассказывать.

В семье Аллало жива история о семейной реликвии – кремниевом ружье, которое их предок Зекорий выменял у русского генерала на жеребца в середине XVIII века. С тех пор оно хранилось в семье, но в советское время Мус сдал его в Новороссийский исторический музей-заповедник. Несколько лет назад Хасан Аллало с отцом организовали поездку в Новороссийск, чтобы найти ружьё по оставшимся описаниям. Раньше оно экспонировалось там с семейной подписью, но его перенесли в другой музей, а в подписи осталась лишь общая характеристика.

В молодом возрасте на аульских свадебных скачках Мус Аллало делал на полном скаку лошади стойку на голове, потом падал с коня и скакал, свисая с одного бока и держась лишь одной ногой в стремях. Потомок славного джигита, Хасан сегодня работает хирургом, а в свободное время пишет стихи на черкесском и русском языках и сочиняет музыку, часть из которой посвящена его славному деду.

Семейный короткий фильм о Мусе Аллало. Аул Агуй-Шапсуг

Как и любой праздник, свадьба заканчивается, и у молодой семьи начинается новая жизнь, которая проходит в регулярном взаимном посещении родственниками друг друга. И, как и в других аспектах, современное и традиционное отношение к быту семьи весьма отличается. Сегодня разного рода ограничения и правила в семейных отношениях причерноморских черкесов весьма условны. Однако встречаются и глубоко традиционные семьи, в которых общежитие подчинено многочисленным правилам. Порой грань между современной и традиционной семьёй весьма условная.

Поскольку в новый дом переезжала именно девушка, в традиционной семье её старались щадить в хозяйственных делах, дать время освоиться. В первый год ей поручали лишь мелкие задачи, вроде уборки или принесения воды. С разрешения новой семьи она ездила к родителям, но не часто. Впервые, с пирогами и родственниками мужа, она приезжала к ним в гости примерно через две недели. Постепенно всё хозяйство ложилось на женские плечи, и её место всё больше ассоциировалось с домом. Порой у женщины даже не было зимней одежды – не предполагалось, что она будет выходить из дома. На улицу она если и выходила, то уже без косы и с платком на голове. Очаг, обслуживание мужчин, рубка дров, чистка двора и конюшни, заготовка топлива на зиму, ткачество и вышивка – все эти работы были на её плечах. Но в делах домашних она была полная хозяйка, мужчина не смел вмешиваться.

Сегодня таких ограничений в семье, конечно, уже нет. Хорошо сохранились лишь обычаи избегания родственников и использования двойных имён. Последний связан с представлениями о том, что на людях не стоит называть настоящее имя, опасаясь сглаза, поэтому для человека выбирают имя-заменитель, которым он и пользуется в жизни и под которым его знают. Часто это русские имена. Считалось оскорбительным, если жена называла по имени мужа, его родных или даже однофамильцев. Молодая жена после свадьбы называет родственников жениха ласкательными именами, вроде «Добрый парень» или «Белые руки», таким образом соблюдая табу на имена. Этот обряд связан с представлениями о добрых и злых духах, который до сих пор силен в обществе. Причина кроется в том, что причерноморские черкесы лучше всех сохранили представления о мире, свойственные их предкам до принятия ислама. Об этом впечатляющем мировоззрении я и расскажу в следующих нескольких подглавах.

Лица предков под древами жизни

Поздняя осень, солнечный день. Три женщины поднимаются по тропинке к огромному старинному дубу. В руках одной из них на платке лежит блюдо с пирожками. Женщины становятся у дерева, протягивают вперёд руки ладонями вверх, как при классической мусульманской молитве. Они читают их вслух на черкесском языке и в то же время вкладывают круглые сырные пирожки «матазы» в щели древесной коры. Этот ритуал обращения к Богу у священного дерева в посёлке Агой Туапсинского района записал для одного из сюжетов авторских передач «Ода народу» телеведущий Игорь Зорин, сотрудник телеканала «Кубань 24». Сегодня это один из лучших региональных выпусков о традиционной вере причерноморских черкесов, так как большинство подобного рода передач на местном ТВ весьма поверхностные, а часто и откровенно ошибочные. Культуре причерноморских черкесов свойственно смешение ритуалов традиционной веры с мусульманскими и христианскими элементами, о чём неоднократно писали очевидцы прошлых лет, и что по сей день можно встретить в аулах. Как и официальный весенний черкесский Новый год в Майкопе, так и такого рода ритуалы на Черноморском побережье, они вызывают споры сторонников мусульманской и традиционной вер.

Священный дуб посёлка Агой стоит во дворе многоэтажного дома и является местом почитания для соседнего аула Агуй-Шапсуг, который уже практически слился с Агоем в одно поселение. Сегодня поклонников таких ритуалов ничтожно мало, но в прошлом такие дубы представляли собой что-то вроде языческих приходов. У каждого аула был дуб (иногда несколько или роща), за которым закреплялись определённые семьи или даже жители окружающей местности. Несколько лет назад местная молодёжь устроила философский диспут в Агуй-Шапсуге. После того как попытка восстановления традиционных ритуалов натолкнулась на негодование части мусульман, они записали интервью со стариками, которые вспоминали, как и почему проводились такие ритуалы. Конечно, в советское время далеко не все из них, будучи детьми, обращали внимание на правила проведения ритуала, тексты молитв. Они их попросту позабыли, но хорошо запомнили своё участие в молебнах под священными древами и ощущения тех встреч. Чем закончился диспут, мы не знаем, но мечеть в ауле так и осталась стоять недостроенной. Что до священных дубов, то они сегодня есть практически в каждом ауле на побережье. Просто не все о них любят говорить. Общественное осуждение сделало эти ритуалы интимными, закрытыми для посторонних глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.